

МАРИНА ЭФИМИНЮК

НЕБЕСА

Алис

ДЕМОНЫ ПРЯЧУТСЯ ВНУТРИ НАС...

16+

Марина Владимировна Ефиминюк

Небеса Элис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42566506

SelfPub; 2019

Аннотация

Жестокие шутки имеют плохие последствия, особенно, если от них зависит чья-то судьба. Разве могла знать Алиса Лазарева, чем для нее закончится ритуал вызова тысячелетнего демона? Пятнадцатилетнюю девочку клеймили и выгнали из теневого мира. Она считала, что ее жизнь неподвластна людям, осудившим ее. Как сильно Алиса ошибалась! Она вынуждена покинуть любимый Гонконг и вернуться на родину, в мир колдунов. Но так ли легко избавиться от влияния демона, выпущенного на свободу? Сможет ли Алиса стать частью теневого мира в этот раз? Или, возможно, город, который она считает земным адом, подарит ей настоящую любовь?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	51
Глава 3	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Предисловие

Гонконг тянулся к дымному небосводу, подпирая облака крышами небоскребов. Воздух на узких, переполненных людьми улицах был тяжелым, нередко пах жареным тофу. Высотки стояли настолько близко друг к другу. Казалось, жильцы соседних домов могли бы обсуждать последние новости через окна.

Утром верхние этажи терялись в густом тумане, накрывающим город дымной шапкой. Ночью же Гонконг преображался и зажигал мириады разноцветных огней. С наступлением темноты оживленные центральные улицы превращались в бесконечную веселую круговерть. В бухте Виктория собиралась толпа зевак в ожидании сказочного шоу. Каждый день на пятнадцать минут низкое небо над черной тихой водой превращалось в холст, на каком вспыхивали фигуры драконов, распускались невиданные цветы.

В шумной толпе на Аллее Звезд вместе с друзьями Элис дожидалась начала волшебного зрелища. Компания подобралась разношерстная, сплошь иностранцы-студенты из Гонконгского Университета. Они старались перекричать вопящую из огромных колонок симфоническую музыку, но все равно едва—едва разбирали реплики друг друга. Когда с крыш небоскребов в небо ударили первые лазерные лучи, пронзившие низкие тучи, то толпа затаила дыхание.

– Эли, смотри! – Однокурсник с восторгом указал на вспыхнувшее здание на другом берегу.

«Алиса, где ты?» – прошептал едва слышный голос над самым ухом Элис.

Ведомая почти забытой привычкой она резко оглянулась и в замешательстве оглядела толпу. Но за спиной за шоу следили незнакомые люди азиатской внешности, ни одного европейца.

– Эли, ты все пропустишь! – настаивал однокурсник, запрокидывая голову к небу, где уже распускались и осыпались в воду лепестки невиданных бутонов. Разлетались искры одуванчиковых шапок.

«Вернись, Алиса...» – снова прошептали за плечом.

Она снова оглянулась, случайно вылила на белое платье сок. На тонкой ткани растянулась некрасивая желтоватая клякса.

– *Damn!*¹

Элис принялась оттирать наряд бумажной салфеткой, но резко замерла. Голос шептал на русском... Но она не понимала русской речи! Семь лет назад ее лишили законного права говорить на родном языке. А еще отняли семью, друзей и родину, насильно превратив в человека-космополита без определенной страны жительства.

По глазам ударил ослепительный свет прожектора. Элис сощурилась, прикрылась рукой. Мгновением позже спину

¹ Дьявол! (анг.)

обожгло ошеломительной болью, словно кто-то со вкусом разрезал оккультный знак, выжженный на лопатке.

– Эли, у тебя кровь! – вдруг выкрикнул приятель.

В голову пришла несвоевременная мысль, что он влюблен в нее, хотя не знает о том, кто она на самом деле. Долгие семь лет девушка скрывала, что клеймо на спине вовсе не экстравагантность, как думали многие, а позорный знак, которым отмечали ссыльных преступников. Никто не догадался, что любимица факультета – ссыльная колдунья-полукровка, осужденная на жизнь в человеческом мире за чужое преступление.

Боль стала совершенно невыносимой. Перед глазами поплыло. Элис выронила стакан с соком, вцепилась в руку приятеля, застывшего в ужасе от вида кровавых клякс, расплывшихся на белом платье.

В следующее мгновение она осела на асфальт, под ноги замороженной лазерным шоу толпы.

Глава 1

Алиса в стране детских кошмаров

Глядя на мрачный дом с потемневшими от дождей стенами, Элис испытывала смешанные чувства. Она точно бы попала в сон, сотканный из полузабытых воспоминаний, и никак не могла проснуться. Семь лет назад в такой же паршивый день, когда деревья скидывали последние клоки осенних одежд, она попрощалась с этим домом навсегда, но даже не догадывалась, что ее «навсегда» в итоге подойдет к концу.

Входная дверь отворилась. В темном проеме появился высокий сухопарый мужчина в лекторских очках. Ошеломленные встречей гостя и хозяин дома долго разглядывали друг друга. В первое мгновение Элис не узнала крестного, так сильно его истрепали годы. В волосах засеребрилась седина, худоба выглядела болезненной, заострились черты хмурого лица. Он что-то сказал, но смысл слов ускользнул от гостя. Как и всегда, когда кто-то говорил на русском языке.

– Алекс, прости, но я пока не могу понять.

– Я сказал, заходи быстрее, а то совсем промокнешь, – на недурственном английском повторил он и пошире открыл дверь.

Дом встретил Элис таинственной тишиной и знакомым с самого детства запахом нафталина, впитавшимся в стены. В

кабинете на громоздком столе стояло знакомое пресс-папье с отбитым краем.

Обстановка комнат осталась прежней, разве что на полках прибавилось книг в разноцветных суперобложках. И они задорно пестрели между изношенными корешками древних гриумаров. Знающий человек прекрасно понимал, что эти худенькие книжечки, по виду напоминавшие романы со стойки в супермаркете, представляли огромную ценность.

Теневой мир находился в состоянии глубокой стагнации. Колдовские таланты мельчали, и на свет практически не появлялось волшебников, способных создавать новые заклинания. Детей учили древней, совершенно бесполезной в современном мире магии. Подлинники новейших гримуаров, написанных рукой создателей, хранились в библиотеках городских правителей, и даже их типографские копии являлись большой редкостью. Крестный собирал свою коллекцию по крупинкам уже много лет подряд.

– У тебя стало больше книг. – Элис провела пальцем по гладким корешкам.

– Последняя обошлась в целое состояние, но она стояла того, – с самодовольным видом поделился коллекционер и указал на томик, внешне ничем не отличавшийся от остальных. – Автору этих заклинаний всего двадцать семь лет, но он благословение для теневого мира. Если бы не этот юноша, мы бы застряли в средневековье.

– Умоляю тебя, не говори, что он научился звонить на по-

терьянный пульт от телевизора. Не разбивай мне сердце! – оглянувшись через плечо, Элис сверкнула улыбкой. – Клянись, я умру от зависти.

Она с рождения не умела колдовать. Как правило, полукровки страдали синдромом магического дефицита, исправляемым особыми амулетами и заговорами, но маленькой Алисе повезло чуть меньше. Человеческая кровь матери, умершей во время родов, оказалась сильнее колдовской, и ни один талисман не мог исправить то, что в устах девочки даже простейшее заклинание превращалось в бесполезный набор звуков.

Теневой мир без колебаний отказывался от детей, неспособных колдовать, их изгоняли и стирали память. Чтобы дочь не стала сиротой при живом отце, родственники сфабриковали документы о несуществующей болезни дара, и Алиса росла под родительским крылом.

– Почему ты так странно на меня смотришь? – Она вопросительно изогнула брови.

– Ты стала красивой женщиной.

– А ты льстецом.

– Годы не щадят меня, да? – Он усмехнулся. – Пообедаешь?

– Я ела в самолете.

– Не бойся, я не готовил сам, а к твоему приезду заказал еду в ресторане...

– Если честно, Алекс, у меня очень мало времени. Я хочу

поставить метку и поскорее уехать, у меня билет на вечерний рейс. Перекушу в аэропорту.

– Ты возвращаешься сегодня? Даже домой не заглянешь? – Крестный удивленно изогнул брови.

– По правилам я не имею права находиться в этом городе больше двенадцати часов.

– Отец расстроится.

– Он расстроится еще сильнее, если узнает, что у меня растаяла печать.

– Ты же не собираешься от него скрывать, что дар вернулся?

– Пока не решила. – Элис отвела взгляд, заметив укор в глазах крестного.

Десять дней назад посреди толпы к полукровке вернулся магический дар, и она невольно превратилась в беззащитную перед проклятиями новорожденную колдунью. Едва спина зажила, Элис сбежала из больницы и тайно вернулась в родной город к крестному, чтобы поставить особый оберег, называемый «первой меткой младенцев».

Обряд они проводили здесь же, в кабинете. Раздвинули мебель и скатали серый ковер с вытертым ворсом, обнажив нарисованную белой краской шестиконечную звезду. Расположив на письменном столе газовую горелку, Алексей принялся раскалять крошечное клеймо.

Следя за умелыми действиями крестного, гостя начинала нервничать.

– Куда будем ставить? – Колдун бросил на нее быстрый взгляд.

Обычно метку ставили ребенку на пятку, но ожог заживал пару недель. Не могла же Элис прискакать в аэропорт на одной ноге.

– Поставь на руку. – Она расстегнула пуговицу и закатала узкий рукав белой рубашки. – Когда сниму повязку, то часами прикрою, не придется ничего объяснять.

– Прости, видимо, мой английский недостаточно хорош. – Наставник с сомнением глянул в сторону девушки. – Ты сказала, объяснять?

– Что тебя удивляет? В нормальном мире даже один выжженный на теле оккультный знак – это клинический случай, а у меня уже третий. Ты не представляешь, насколько обычные люди любопытны! Меня все время спрашивают про клеймо на спине. Все думают, что я сбежала в Гонконг от сатанинской секты, – с насмешкой поделилась Элис и, покопавшись в объемной сумке, вытащила чехол с палочками для еды.

– Нормальный человеческий мир, где задают неловкие вопросы... – Алексей проверил на свет раскалившееся добела клеймо. – Звучит уныло.

Элис зажгла свечи, расставленные по диаметру круга, и заняла место в центре пентаграммы.

– Во время обряда загадывают желание. Говорят, исполняется. Попробуешь? – предложил Алексей.

– Обойдемся без дополнительного сервиса, – стягивая резинкой густые волосы в конский хвост, нервно пошутила девушка и сжала между зубов палочку.

– Начинаем?

Она кивнула, и колдун принялся отчитывать заклинание. Элис не понимала ни слова из сложного колдовского языка, но даже ее слабый дар позволял ощутить, как стремительно менялась обстановка мрачного дома. Воздух темнел и густел, наполняясь магией. Запахло дурманным ароматом цветущего вереска, вызывавшего ломоту в висках.

Сердце новоявленной колдуньи грохотало так отчаянно, словно хотело выпрыгнуть из груди. Мелко дрожала протянутая рука с закатанным до локтя рукавом. От страха Элис закрыла глаза и оказалась неготовой к нестерпимой боли, когда раскаленное жало впилося в кожу на запястье. В нос ударил тошнотворный запах паленой плоти, из глаз брызнули слезы. Сама того не подозревая, она неразборчиво выругалась, а в следующий момент, теряя сознание, рухнула на руки всполошенного крестного.

Клеймо Алисе должны были поставить в тюремном обрядном зале, располагавшемся по соседству с камерами, в подвалах Дворца. Сомнительная честь лишить пятнадцатилетнюю девочку колдовского дара выпала крестному, когда-то поставившему ей первую колдовскую метку. Он сильно нервничал и отчего-то чувствовал себя виноватым.

– Алексей, не переживай. Ты сам знаешь, таким как я не место в теневом мире, так что, считай, меня отправляют обратно домой. – Она осторожно погладила сжатую в кулак руку крестного и заверила: – Я в порядке. Слышишь меня?

Даже сейчас, умирая от страха перед неизвестностью, она пыталась успокоить своего единственного друга.

– Алиса, только не обманывайся. Клеймо – не избавление, а наказание. Они лишают тебя всего, даже возможности говорить на родном языке.

– Язык можно выучить заново. Сам знаешь, у меня талант к мирским языкам.

– Заклинание не позволит.

– Зато я хорошо знаю английский, а меня отправляют в Лондон. Ведь в Англии все говорят по-английски, так? Это даже ссылкой не назовешь. Я везунчик, правда?

Она резко выдохнула, стараясь замаскировать всхлип, и отвернулась, чтобы Алексей не заметил подступивших к глазам предательских слез. В крошечной камере повисло тяжелое молчание.

– Ты думаешь, что я ничего не понимаю? – резким тоном произнесла она, больше не пытаясь скрыть боль под бравадой. – Но у медали есть две стороны, крестный. Просто позволь мне смотреть на ту, от которой не тянет удавиться...

Некоторое время спустя совершенно обессиленная Элис безучастно следила, как Алексей бережно обрабатывает черный фигурный ожог с воспаленной кромкой у нее на запястье. Несмотря на все предосторожности, боль даже от легкого касания пронзала всю руку.

– Уже можешь, – накладывая бинты, вымолвил он.

– А?

– Можешь вытащить эту штуку. – Колдун указал на палочку во рту крестницы.

– Точно, – пробормотала Элис. На гладкой полированной поверхности палочки остались следы от ее зубов.

Некоторое время собеседники молчали, не зная, о чем теперь стоило или дозволялось говорить. За семь долгих лет повзрослевшая гостья и постаревший наставник фактически сделались незнакомцами.

Под пристальным взглядом крестного Элис занервничала и поерзала на кожаном кресле, скрипевшем от любого движения.

– Спасибо, что помог с оберегом, – произнесла она в тишине. – Знаю, что ты рисковал...

– Ты счастлива в своем нормальном человеческом мире? – вдруг невпопад спросил тот, и в голове у девушки тут же застучали тревожные молоточки.

– Почему ты спрашиваешь?

– Почему ты не хочешь рассказать семье о том, что печать растаяла? – вопросом на вопрос ответил он. – Ты полагаешь,

что никто не догадается?

– Во мне практически невозможно почувствовать дар. Если ты будешь молчать... – Пронзенная догадкой она осеклась и, поменявшись в лице, воскликнула: – Ты уже рассказал! Я права, Алекс? Ты рассказал папе?

– Элис, друг мой...

– Я думала, что могу доверять тебе! Проклятье, если тебе, то кому мне еще доверить в вашем долбанном теневом мире? Ты осознаешь, что тебя могут обвинить в небрежном проведении ритуала, а отца в пособничестве? Как я ему в глаза посмотрю?

– Алиса, успокойся и послушай меня! – мягко остановил расстроенную крестницу колдун. – Ты задумывалась над тем, почему у тебя растаяла печать?

Она потупилась и уставилась на залитый черным свечным воском пол. На душе вдруг стало очень паршиво от предчувствия надвигавшейся беды.

– Кажется, что у тебя есть предположения? – не поднимая головы, тихо спросила она. – И, судя по всему, разговор должен быть серьезным?

Самой себе Элис казалась крошечной птахой, попавшейся в охотничьи силки. Она исподлобья глянула на собеседника и с ужасом прочитала в его лице безрезультатно подавляемое чувство вины. Видимо, за то, что ему предстояло сказать или сделать. С тем же выражением крестный смотрел на нее в тот день, когда перекрыл дар. На секунду Элис показалось, что

в легких закончился воздух.

– Мне придется задержаться здесь? – выдавила она.

Алексей медленно кивнул.

– И боюсь, не на один день.

Некоторое время они провели в молчании. Элис вдруг поймала себя на том, что от нервов до крови расковыряла заусенец на пальце.

– Ты что-то говорил о ланче? – Она коротко улыбнулась. – Серьезные разговоры не стоит вести на пустой желудок. Я бы чего-нибудь поела, если честно.

– Хорошо. – Алексей встал и, прежде чем выйти из кабинета, легонько сжал плечо гостыи, очевидно, пытаясь показать, что он на ее стороне.

Обождая минуту, Элис встала и прислушалась к тому, как на кухне гремит посуда. Крестный был занят и не ждал подвоха. Украдкой пробравшись в прихожую, она натянула белое тонкое пальто и красные балетки, оказавшиеся совершенно неуместными в октябрьскую промозглую погоду, а потом тихонечко вышла из дома.

После полумрака, царившего в комнатах, скупой свет слякотного дня практически ослепил. Вздохнув полной грудью пахнувший дождем и опавшей листвой воздух, она быстро спустилась с крыльца и, не оглядываясь, направилась к воротам. Элис как раз схватилась за покрытую моросью ручку на калитке, когда в тишине неухоженного двора прозвучал оклик:

– Алиса!

Она помедлила на секунду, а потом решительно толкнула калитку.

Алексей не стал ее останавливать. Вероятно, он догадывался, как сильно крестница желала забыть о сегодняшнем дне. Навсегда вычеркнуть из памяти то, как чуждо звучало ее настоящее имя – Алиса, как выглядела холодная осень в родном городе, как пахли гримуары в его кабинете.

Перелет до Гонконга занимал почти десять часов, так что у нее имелась прорва времени, чтобы придумать красивую ложь о новом клейме, записать на салфетке авиакомпании и выучить наизусть. Элис давным-давно научилась сочинять правдоподобные небылицы о собственной жизни.

Офис авиакомпании на задворках аэропорта походил на тесный аквариум, нашпигованный офисной техникой. В углу стояла зеленая пальма, впрочем, выглядевшая понурой и увядающей. Внутри стеклянной коробки царил смертельная духота, и Элис обмахивалась паспортом, стараясь согнать румянец с горящих щек.

Сидящая за рецепцией менеджер с деловитым видом шелкала по клавиатуре.

– Ошибки нет, – не отрывая взгляда от монитора компьютера, произнесла она на недурственном английском, – ваш билет был аннулирован около часа назад.

Зачем крестному останавливать ее? Неужели в проклятом теновом мире случится глобальная катастрофа или перекоc в сторону зла, если к осужденной полукровке вернутся ее крохи дара?

Элис резко выдохнула, стараясь вернуть самообладание.

Пару лет назад, ради доклада по психологии, она ходила на курсы по управлению гневом. В напарники ей достался совершенно чокнутый тип, слетавший с катушек при любом дуновении ветерка. Он звонил сто раз на дню и без причины лез обниматься, так что в его компании девушка отлично отработала навык резко выдыхать и умение монотонно считать до десяти в моменты сильного раздражения. Сейчас Элис казалось, что у нее самой, как бы выразился тот самый партнер по курсам, «горела крыша», и ни одна мантра была не способна помочь в возвращении спокойствия.

– Я могу еще чем-нибудь вам помочь, мисс? – с улыбкой робота заученными фразами менеджер предлагала вернуть новоявленной колдунье свободу.

– Помогите мне попасть на мой рейс. – Элис вытащила из сумки кошелек.

Некоторое время работница что-то разглядывала в компьютере и стучала по клавиатуре быстрыми пальчиками, а через некоторое время озвучила сумму за билет. Элис протянула пластиковую карту и с изумлением изогнула брови, когда услышала, как неприятно крякнул кассовый аппарат, отказываясь проводить платеж.

– Мне жаль, но карта заблокирована, – заключила девушка и вернула карту, превратившуюся в бесполезный кусок пластмассы. Судя по безуспешно подавляемой усмешке, она испытывала не сожаление, а злорадство.

– Попробуйте эту... – Оконфузившаяся пассажирка протянула другую карту от счета, где хранились деньги на пресловутый «черный день». Она не подозревала, что этот самый день настанет так скоро.

Когда пришел новый отказ, Элис почувствовала приближение паники, какую было невозможно отогнать ни счетом до ста, ни успокоительной мантрой. В груди запульсировал горячий комок.

– Пока забронируйте билет, – попросила она и достала из кармана мобильный телефон: – Я попытаюсь разобраться с банком...

Вдруг аппарат в руке ожил, но на засветившемся экране определился незнакомый городской номер. Нахмурившись, Элис включила вызов и прижала мобильник к уху:

– Хей?

– Лазарева Алиса Матвеевна? – прозвучал в трубке совершенно незнакомый мужской голос, и у беглянки в животе вдруг стало по-сиротски холодно от дурного предчувствия.

– Я слушаю.

– Вас беспокоят из приемной распорядителя Дворца. – Английский у неизвестного был выше всяких похвал, никакого акцента, словно говорил носитель языка.

Элис покинул дар речи. Она хотела бы выдавить из себя хотя бы звук, но лишь тяжело дышала в трубку и в растерянности теребила пуговицу на пальто.

Не дождавшись какой-либо реакции, секретарь потерял терпение и что-то зачистил по-русски. Судя по недовольному тону, он хорошенько отчитывал онемевшую собеседницу, а потом раздраженно произнес по-английски:

– Вы меня слышите?

Нитка лопнула, пуговица оторвалась от пальто и оказалась у Элис в руках.

– Я слышу, – холодно произнесла девушка. – Что от меня хочет приемная мистера Полоцкого?

– Вам приказано вернуться в город и приехать во Дворец.

– Скажите, вы имеете отношение к моему аннулированному билету? – Как всегда, когда страх становился невыносимым, она спряталась за наглостью.

– Послушайте, мадам... – В тоне собеседника появилось нетерпение.

– Мисс, вообще-то, – перебила она. – Вы сейчас скажите, что эта была вынужденная мера, чтобы меня задержать?

В трубке стало очень тихо. Вероятно, прямолинейность беглянки нешуточно покорибила сухого, как столетняя ба-ранка, секретаря.

– Почему вы молчите? – вкрадчиво уточнила она.

– У вас два часа, чтобы добраться до Дворца. – В следующий момент в мобильнике раздался странный звук, точно бы

на другом конце от всей души швырнули трубку на рычаг, и соединение оборвалось.

– Да ты издеваешься надо мной! – с возмущением воскликнула Элис, уставившись на погасший экран. Когда она подняла голову, то осознала, что менеджер тарашиться на нее с жадным любопытством, даже не пытаясь хотя бы из деликатности соорудить безразличный вид. Кажется, ее приняли за крестную дочь китайской мафии.

Без слов она схватила с рецепции сумку и решительным шагом вышла из маленького офиса. Элис казалось, что если она немедленно не выскажется, то обязательно лопнет, как слишком крепко надутый воздушный шар. Недолго думая, она набрала последний определившийся номер.

– Алло, – произнес знакомый мужской голос, вдруг вызвавший в ней приступ ярости.

– Какого черта вы бросаете трубку?! Я еще не договорила! – рявкнула Элис в телефон, и несколько человек с чемоданами, проходившие мимо, нервно оглянулись в ее сторону.

– Кто это? – ошеломленно вымолвил секретарь по-английски.

– Кто?! Элис из чертова аэропорта!

Последовавшая пауза говорила красноречивее любых слов о том, как сильно изумился собеседник. Наверняка он не ожидал, что девчонка окажется нахрапистой скандалисткой и пожелает выяснить отношения.

– Ладно, мистер, вы билет аннулировали, но зачем бан-

ковские счета заблокировали?! – окончательно разъярившись из-за собственного бессилия, воскликнула она. – Как, по-вашему, я смогу добраться до этого проклятущего Дворца, если у меня осталось два доллара наличными?! Автостопом? Или пешком?

– Вас некому забрать? – наконец деревянным голосом вымолвил секретарь.

– Бинго!

– Я понял...

– Что же вы поняли, позвольте, уточнить?

– Сейчас организую трансферт. Ждите.

Он отключился. Услышав в телефоне тишину, Элис вдруг ощутила себя оглушенной. Без остатка выплеснувшись на голову несчастного дворцового служки, гнев разом схлынул, и оставшиеся пустоты стремительно наполнялись растерянностью. Ради всего святого, каким образом она сумела попасть в столь скверную историю?

В реальность Элис вернул звонок ожившего телефона. В полном замешательстве она огляделась вокруг и обнаружила, что стоит посреди зала вылета, под табло с расписанием рейсов. Вдруг возникло странное чувство, будто она снова превратилась в пятнадцатилетнюю школьницу, с ужасом смотревшую на строчку, где писали о регистрации на рейс до незнакомого Лондона. Как и тогда, вокруг мельтешили незнакомые люди, их жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Самая обычная человеческая жизнь, та самая, какую

у повзрослевшей полукровки пытались отнять.

Она ответила на звонок.

– Машина стоит на улице. Белый седан... – (Секретарь назвал марку и регистрационный номер). – Пожалуйста, не заставляйте водителя ждать.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила Элис, чем, похоже, до глубины души потрясла собеседника. Неожиданная вежливость смягчила его настолько, что он решил проявить сочувствие:

– Алиса, я понимаю, что вы имеете право злиться. Я могу вас встретить у ворот и проводить в приемную распорядителя. Догадываюсь, что вы не знаете Дворца.

– Так вы будете на месте, когда я приеду?

– Постараюсь.

– Превосходно. – Она усмехнулась. – Потому что я бы очень хотела получить компенсацию за аннулированный билет, желательно наличными. Если вы не заметили, то он стоил кучу денег.

Не прощаясь, она отключила вызов и решительным шагом направилась к выходу.

Найти нужный автомобиль удалось не сразу. Белый седан с заведенным двигателем дожидался ее практически у пропускного пункта, на выезде с территории. Складывалось ощущение, что водителя совершенно случайно перехватили

в аэропорту и навязали нежеланную пассажирку.

Подойдя к автомобилю, она искоса глянула в окно. За рулем сидела черноволосая женщина с собранными на затылке волосами. Отрыв дверь, Элис плюхнулась на сиденье и буркнула:

– Добрый день, мисс.

В салоне было тепло и приятно пахло цитрусовым одеколоном.

– Пристегни ремень, – мягким мужским голосом произнесла незнакомка.

Замерев на мгновение, Элис повернулась и обнаружила сидящего за рулем азиата, по виду всего на несколько лет старше ее самой.

– Ох! Извините... – заливаясь краской, выдавила она, но извинения, прямо сказать, прозвучали жалко.

Водитель сделал вид, что не заметил оскорбительной для любого мужчины промашки от незнакомой девицы, и, многозначительно изогнув брови, напомнил:

– Дверь?

Окончательно смутившаяся пассажирка посчитала за благо отвернуться, хотя бы для того, чтобы закрыть дверь.

– Ремень? – последовала следующая подсказка.

– Конечно...

Наконец автомобиль мягко тронулся с места. Они минули пропускной пункт аэровокзала и устремились в сторону города. Через какое-то время в салоне зазвучала тихая музыка,

рассеявшая натужное молчание.

– Не против? – уточнил азиат, быстро глянув на Элис, и та покачала головой. Вероятно, его предупредили, что прилетевший из Гонконга «багаж» не знает русского, так что он говорил на прекрасном английском.

За окнами мелькали предместья, окутанные скорыми осенними сумерками. Блестел асфальт, дворники лениво сгребали с лобового стекла мелкие капли дождя, а фары соседних машин казались размытыми световыми пятнами. В октябре так скоро наступала темнота, и ночи были очень холодными, омытыми дождями.

Крепко держась за руки, они стояли вокруг большого костра. На ночной поляне царил зверский холод, в воздухе плавали белые мушки, и не верилось, что на дворе хороводилась середина октября. Единственное, о чем думала Алиса, что она ни в коем случае не должна отпускать сцепленных рук, иначе всех участников магического круга ждал незавидный конец.

Тысячелетнего демона вызывал Виктор Полоцкий. Он являлся наследником древнего клана, а потому обладал столь сильной магией, что мог разбудить опасное существо и заставить исполнять желания.

Друзья повторяли за молодым колдуном каждое слово, но Алиса молчала, ведь, в отличие от них, одаренных детей из известных магических династий, она не умела чи-

тать заклинаний. Дрожая от волнения, она боялась поверить, что совсем скоро прикоснется к своей единственной мечте – стать настоящей колдуньей, и не хотела задумываться над тем, какую цену придется заплатить Виктору за возможность загадать желание могущественному демону.

С последним словом заклятья пламя брызнуло в небо, точно обжигаящий фонтан из жернова вулкана. Мгновением позже огонь опал и рассыпался дрожащими лепестками. В просветлевшем воздухе проступил мерцающий контур, очертаниями до жути напоминавший человеческий силуэт.

Участники ритуала принялись по очереди озвучивать желания. Они говорили на колдовском языке, однако Алиса сумела уловить, что упоминались какие-то люди. Виктор наблюдал за полукровкой со странным блеском в глазах.

Теневой город обожал единственного наследника могущественного клана. Он был красив и без особых усилий умел располагать к себе людей, но Алису он пугал. Девочка не замечала привлекательной обертки, а только догнивающие в глубине его души остатки человеческой сущности. Наверное, поэтому он не стеснялся обнажать перед ней свое истинное лицо чудовища.

В отличие от остальных ребят, он произнес свое желание на русском языке. Специально для того, чтобы поняла девочка.

– Я хочу эженицину, чтобы она жила моей жизнью, следовала моей дорогой, дышала со мной одним воздухом...

От безумного огонька в серых глазах парня у Алисы нехорошо сжалось сердце. Вдруг она догадалась, что все участники ритуала просили в дар живых людей. Понимали ли они, что с помощью магии ломали чужие судьбы? Подлые желания, как раз достойные пресыщенных наследников, выросшие с осознанием собственной исключительности.

А Виктор продолжал:

– Она дочь чистокровного колдуна и человеческой эженицины, родилась двенадцатого декабря, в нарождающуюся луну. Ее имя Алиса...

Она почувствовала, что больше не может дышать. В голове тоненько зазвенело. Решение пришло мгновенно, и девочка не осознавала, насколько оно безрассудно.

– Алиса, не смей! – выкрикнул Виктор, вероятно, догадавшись о том, на какое безумие подтолкнул эжертву.

В следующий момент она разжала руки, разрывая магический круг...

Из автомобильных динамиков громыхнул телефонный звонок, и, вздрогнув, Элис вернулась из воспоминаний в настоящее. Нажав кнопку на руле, водитель ответил:

– Ёбосей-ё?²

В ответ что-то громко затараторили на корейском языке,

² Алло? (кор.)

однако азиат оборвал беспрерывную тираду и включил наушник. Судя по неформальному обращению, вероятнее всего, водитель разговаривал с другом.

Не удержавшись, Элис украдкой покосилась на азиата. Для нее, несколько лет прожившей в Гонконге, становилось очевидным, что молодой мужчина был довольно хорош собой, и, судя по крупным глазам, являлся метисом. Она бы не никогда не перепутала парня с девицей, если бы не дурацкие сережки-гвоздки в ушах и рассыпавшиеся из пучка длинные волосы.

Неожиданно стало ясно, что кореец заметил заинтересованные взгляды и насмешливо изогнул губы. Мысленно Элис обругала себя хорошим словом и, нарочито нахмурившись, отвернулась к окну. Она сама ненавидела, когда на нее тарасились незнакомцы.

С приближением к оживленным городским развязкам автомобильное движение стало гуще и медленнее, а недалеко от конечной станции метро плотный поток машин практически замер. Попутчикам тоже пришлось притормозить.

– Ты не служка из Дворца, – рассматривая дождливую улицу, Элис озвучила крутившуюся в голове мысль, но отчего-то прозвучавшую как обвинение.

– Ты не иностранка, – бесстрастным тоном ответил кореец.

– Почему выполняешь их поручения?

– Почему не говоришь по-русски?

Элис невесело усмехнулась и повернулась к собеседнику:
– У меня ссыльное клеймо.

Запретные слова, которые она не имела возможности произносить вслух долгие семь лет, с легкостью слетели с губ. Правда оставляла на кончике языка приятное послевкусие.

– *Кырэ?*³ – пробормотал водитель и вдруг, поглядывая в зеркальце заднего видения, начал аккуратно перестраиваться из крайнего левого ряда поближе к тротуару.

В недоуменном молчании Элис следила за умелыми маневрами, а когда автомобиль остановился напротив переполненной автобусной остановки, то тихо спросила:

– Что это?

– Метро.

Несколько секунд она таращилась на корейца, не желая верить, что ее действительно выставляют из машины под дождь и вынуждают добираться до Дворца самостоятельно.

– Послушай, у меня ссыльное клеймо, а не заразная болезнь. – Она вопросительно подняла брови, требуя объяснений за неджентльменский поступок.

– Тебе через тридцать минут надо быть во Дворце, а здесь пробка часа на три, – не обратив внимания на менторский тон Элис, произнес он и кивнул на густой поток автомашин, едва-едва тащившихся по дороге к светофору. – В этом городе на метро добираться быстрее всего. Ты так не считаешь?

Под насмешливым взглядом азиата девушке вдруг стало

³ Вот как? (кор.)

неловко. Она смущенно пробормотала:

– Тут ты прав...

Стараясь избегать с ним зрительного контакта, она долго возилась с заевшим замком на ремне безопасности.

– Спасибо, что подвез.

Элис выбралась из теплого салона в отвратительный промозглый холод, и в одно мгновение злой ветер рванул полы пальтишко. Поежившись, она в растерянности огляделась вокруг, пытаясь понять, где находится метро.

– *Агасси!* – Вдруг позвал кореец через открытое окно. – *Тони иссо?*⁴

– Что?!

В лице молодого человека промелькнула досада. Похоже, он не догадывался, что пытался объясниться с Элис по-корейски.

– Деньги есть? – перешел на английский язык.

– Я должна тебе заплатить? – с возмущением в голосе воскликнула она.

– На билет деньги есть?

Почти уверенная в слуховой галлюцинации, некоторое время она ошарашено тарасилась на корейца, как баран на новые ворота.

– Подожди... – велел водитель и полез за портмоне.

Он протянул попутчице купюру. Некоторое время она изучала ассигнацию, а потом призналась:

⁴ Барышня, деньги есть? (кор.)

– У меня есть немного наличности.

– Бери, вдруг не хватит.

Приняв деньги, с вопросительной интонацией Элис вымолвила:

– Спасибо?

– Знаешь, куда идти?

Сжимая в руках купюру, она заторможено покачала головой и пропустила все инструкции, ошеломленная неожиданной заботой совершенно незнакомого человека.

Когда он поднимал стекло на окне, она вдруг точно бы проснулась:

– Как тебя зовут?

Некоторое время кореец смотрел на девушку, словно колебался, стоило ли представляться.

– Ким Чжун, – наконец, произнес он.

– Я Элис.

– Приятно познакомиться... – его губы тронула улыбка, – Элис.

От того как мягко в его устах прозвучало ее имя, у девушки вдруг засосало под ложечкой.

Когда белый седан, кое-как протолкнувшись в густом потоке, свернул под первой же стрелкой, а потом, резко набрав скорость, рванул в обратном направлении, попутчица поняла, что водитель ехал во Дворец только ради нее.

Дворец располагался в черте города, в старинной усадьбе-музее с огромным парком и рукотворным озером, оставленным бывшими владельцами, разорившимися в конце девятнадцатого века аристократами.

По парковой аллее Элис направилась к главному зданию дворцового ансамбля. Дождь утих, и в сумерках под жидким светом уличных фонарей блестели мокрые дорожки. В кронах деревьев, охваченных осенним увяданием, гулял ветер, и с веток сыпались крупные ледяные капли. Казалось, что парк не мог сдержать слез сожаления при появлении пойманной беглянки.

Еще издалека она заметила, что под мраморной лестницей в главное здание маячит высокая сутулая фигура крестного в длинном мешковатом пальто.

– Алиса... – позвал он, когда с каменным выражением на лице Элис прошла мимо.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – не оглядываясь, холодно бросила она.

Во Дворце пахло пылью. В бесконечной анфиладе безлюдных экспозиционных залов царило гулкое эхо, гуляли ледяные сквозняки, но стоило подняться на второй этаж, как ярко—освещенные коридоры наполнились жизнью.

Дорогу к приемной распорядителя Элис запомнила со времен своего суда. Она решительно шагала по коридору, не обращая внимания на то, с каким недоумением оглядывались некоторые из встретившихся дворцовых служек. Ве-

роятно, кто-то узнавал в ней пятнадцатилетнюю полукровку Лазареву, осужденную за пробуждение демона. По меркам теневого мира семь лет назад она попрала почти все основополагающие законы теневого мира. Неслыханное преступление!

Оказавшись в рекреации перед приемной, Элис не утерпела и резко развернулась к следовавшему за ней, как тень, крестному.

– Алекс, у меня в голове не укладывается... Дворец?! – Она с яростью ткнула пальцем в сторону высоких двустворчатых дверей. – Ты втянул в это Дворец?

Алексей замаялся и нервно поправил лекторские очки. Его молчание было красноречивее любых слов.

– Ты ставил метку с разрешения властителя, – с упавшим сердцем догадалась Элис. – Я права?

– Извини, Алиса. Полоцкий-старший посодействовал в получении амнистии.

У крестницы вырвался невеселый смешок.

– То есть ты с самого начала знал, что меня не выпустят из города?

– Если бы ты не попыталась убежать и позволила мне все объяснить, нам бы не пришлось заходить так далеко.

– Говоря «нам», ты имеешь в виду себя, отца и мистера Полоцкого? Какая-то несовместимая комбинация. –

– Не передергивай. Распорядитель Дворцом беспокоится о тебе, потому что вы дружили с его сыном...

– Я не верю, что ты это сказал! – задохнувшись от возмущения, перебила она.

В этот момент двери приемной приоткрылись, и спорщики прикусили языки. В рекреации, застеленной ковром со сложным рисунком, появился Матвей Лазарев. От того, каким уставшим и больным выглядел папа, у Элис защемило внутри. Она помнила, как он поседел за одну ночь сразу после оглашения приговора, а через неделю после ее отъезда в Лондон слег с сердечным приступом.

– Я услышал твой голос.

Английский родителю пришлось выучить, когда Элис перестала понимать родную речь и застрекотала на незнакомом языке, но, несмотря на приложенные усилия, разговаривал отец на уровне школьника.

– Привет, пап.

Они обнялись. Элис прижалась щекой к колючему пиджаку и с удовольствием вдохнула знакомый запах хвойного одеколona.

– Почему не сказала о печати? – с укором в голосе спросил отец.

– Испугалась, что у тебя будут неприятности, – призналась дочь. – На тебя уже насели?

– Не переживай обо мне, главное, чтобы ты была в порядке. У тебя открылись шрамы на спине? Долго пролежала в больнице?

– Недолго, и шрамы почти зажили, – отстраняясь, уверила

она.

– Метка?

Элис продемонстрировала повязку, выглядывающую из-под рукава пальто.

Тут из приемной выскользнул subtilный типчик в затрапезном жилете и натянутых до локтей нарукавниках. Он что-то зачистил гнусавым голосом, вероятно, приглашал визитеров на прием, и предупредительно открыл двери.

Следуя за служкой, втроем они пересекли приемную, похожую на затрапезную контору, и оказались в большом кабинете. Воздух пах дорогим табаком и каким-то едва уловимым ароматом, показавшимся Элис смутно знакомым. Неожиданно она вспомнила, что, в отличие от вековых заклятий, благоухавших дурманным вереском, современная магия имела тонкий, ненавязчивый запах.

Яков Полоцкий встретил визитеров, сидя за огромным письменным столом, и не удостоил их даже короткого кивка головы. Полукровка запомнила дворцового распорядителя крепким мужчиной с ледяными глазами, а через семь лет встретила лысеющего господина, безрезультатно боровшегося с полнотой.

Он рассматривал Элис с интересом коллекционера, отыскавшего на развалах блошиного рынка изящную статуэтку. Видимо, юная женщина вызывала у нее интерес.

В звенящей тишине зала суда звучал надрывно голос об-

винителя:

– За проведение запрещенного ритуала Алиса Матвеевна Лазарева приговаривается к перекрытию магической сущности через клеймение сроком на пятнадцать лет и высылается из теневого города.

Зал встретил приговор гробовым молчанием. Алиса не ждала сюрпризов и ненавидела законы мироустройства, по которым всегда страдали те, кто не мог нападать. Чтобы скрыть настоящих виновников преступления, дочь простого зрителя библиотеки превратили в преступницу.

– Осужденной есть что сказать? – предложил хозяин теневого года, следивший за судом с балкона.

– Нет, мой властитель, – приподнялся со своего места отец Алисы.

– У меня есть что сказать распорядителю Дворца! – заявила девочка и вскочила со стула. По залу пронеслась волна затухающих шепотков.

– Алиса... – прошипел Матвей Лазарев, пытаясь вразумить дочь, но та точно не слышала его. Не боясь и не смущаясь, она повернулась к Якову Полоцкому. От прямого нахального взора он незаметно повел плечами, точно пятнадцатилетняя девчонка заставила его почувствовать себя не в своей тарелке. Высокая и пока нескладная, нераскрывшийся бутон, совсем скоро она должна была превратиться в изысканный, редкой красоты цветок.

– Я хотела поблагодарить... – Она многозначительно

усмехнулась. – Спасибо вам, Яков Игнатьевич за то, что позволяете мне сбежать из этого проклятого места!

Люди потеряли дар речи, у распорядителя Полоцкого вытянулось лицо, и только отец знал, что дочь всегда пряталась за возмутительной дерзостью, когда была смертельно напугана...

В кабинете висела неприятная, нервная тишина.

– Ты красива, – резюмировал колдун таким тоном, словно считал яркую внешность полукровки огромной проблемой, и указал мужчинам на кожаные стулья с заклепками: – Присаживайтесь, господа.

Определенно он говорил по-русски, однако Элис легко поняла смысл слов. Пока ее спутники рассаживались, она тишком осмотрелась.

– Переводчик, – пояснил Полоцкий, заметив настороженный взгляд гостьи, и кивнул на край стола, где среди письменных принадлежностей в колыбели золотых ладоней почивал прозрачный шар с курящимся внутри дымком. – Раз мы все собрались, то не станем терять время и перейдем к делу. Ты знаешь, почему тебя задержали в городе?

– Из—за растаявшей печати? – вопросом на вопрос ответила она.

– Отчасти, – кивнул Яков, – но если бы дело заключалось только в печати, то я бы закрыл глаза и сделал вид, что мне ничего неизвестно, удерживать бездарную колдунью –

пустая трата времени и сил. Думаю, ты и сама знаешь, что никогда не представляла для города особую ценность.

Удивительно, но даже через много лет грубоватая прямолинейность распорядителя вызвала в Элис совершенно необъяснимую обиду.

– Так в чем же дело? – холодно бросила она. – Отпустите меня. У меня на носу сложный экзамен.

– Ты учишься в Китае? – невпопад спросил он.

– В Гонконге. Я получила грант на учебу в Университете.

– Слышал, что у тебя превосходные оценки? Поверь мне, девочка, я бы отпустил тебя обратно, не задумываясь, на мой взгляд, ты уже заплатила по всем счетам, если бы не опасность, что ты можешь быть одержимой.

– Одержимой? – повторила она, почти уверенная, что хваленое заклинание для перевода спутало все языки мира, а потому неверно трактовало фразу управляющего.

Мужчины ждали, когда Элис отыщет в памяти правильный ответ, но в человеческом мире оккультные понятия, вдалбливаемые на руках колдовского мастерства, за ненадобностью выветрились из головы.

– Подождите, вы говорите о тех случаях, когда в тело колдуна вселяется демон? – меняясь в лице, вдруг поняла она. – Вы имеете в виду демона, которого разбудили во время *того* магического круга?

– Вы не завершили ритуал по всем правилам, – пояснил Алексей.

– Как я могу быть одержимой, если человеческими телами демоны не завладевают?

– После того, как печать растаяла, ты перестала быть человеком, – мягко поправил он.

– Думаю, никого не шокирую, если скажу, что я и сейчас почти человек.

– Ты права – почти, – мягко напомнил крестный.

Элис почувствовала, что ей становится трудно дышать.

– Даже если во мне есть немножко от колдуньи, то я бы сразу почувствовала демона. Разве не так? Мне незачем обманывать! Я могу представить, насколько одержимость демоном опасна для окружающих меня людей.

– Алиса, в первую очередь бесноватость опасна *для тебя*, – с нажимом произнес Алексей. – Обычно признаки проявляются в течение трех месяцев, но просыпается демон всегда неожиданно. Если он есть, то тебе в любой момент может понадобиться помощь экзорциста. И я сильно сомневаюсь, что профессионала легко найти в человеческом мире.

На Элис нахлынуло оцепенение. Заклинания, запечатавшие магию, противоречили природе, и зачастую сильные колдуны страдали сложными человеческими болезнями, словно по волшебству проходящими с возвращением дара. Много лет подряд она боялась услышать от докторов какой-нибудь страшный диагноз, а оказалось, что опасность поджидала ее после того, как печать истаяла.

– Мой сын находился в закрытом санатории почти четы-

ре месяца, – произнес Яков. – После вызова демона, поверь мне, он потерял гораздо больше, чем ты думаешь.

У Элис вырвался издевательский смешок:

– Вы хотите, чтобы я пожалела вашего сына? Из-за Виктора в пятнадцать лет меня лишили семьи. Не считаете цену за одинаковую глупость неравнозначной?

– Насколько я помню, именно *ты* разорвала круг, – делая вид, что не заметил дерзости, ледяным тоном процедил распорядитель.

– Раз мы говорим откровенно, насколько *я* помню, ваш сын, Яков, пожелал меня в качестве подарка! Я была девчонкой, и уж простите, но лучшего решения в тот момент мне не пришло в голову.

– Алиса! – возмущенный непочтительным препирательством встрял в спор отец.

– Папа! – копируя его тон, отозвалась она. – Объясни, Бога ради, почему я обязана показывать уважение к отцу колдуна, который испортил мне жизнь? Или я должна захлопать в ладоши от восторга за то, что мне придется взять академический отпуск только для того, чтобы провести три месяца в психушке?

– Никто не собирается закрывать тебя в лечебнице с другими бесноватыми, мы просто хотим подстраховаться, а господин Полоцкий настолько добр к нам, что согласился помочь! – потерял терпение отец. – Разве плохо хотя бы на время вернуться домой? Твое упрямство противоречит здравому

му смыслу!

– Я не желаю возвращаться и, не задумываясь, перекрыла бы дар заново! Но даже мне известно, что вторая печать убивает колдунов.

Распорядитель цыкнул и раздраженно отшвырнул перьевую ручку. Отчего-то именно звук упавшей с края стола и покотившейся по полу ручки заставил скандалистов при молкнуть. Дым в шаре-переводчике, словно почуяв, что атмосфера в кабинете накаляется, насытился густым черным цветом.

– Уезжай! – коротко бросил Полоцкий.

Не веря собственным ушам, Элис с изумлением открыла рот и уставилась на оппонента.

– Мы не можем помочь человеку, который даже не понимает, что ему нужна помощь. Амнистия подписана. Тебя отпустят без всяких виз и разрешений, как будто ты не приезжала. Ты совершеннолетняя и это твоя жизнь. Хочешь ею рисковать, так и поступи... — Покопавшись в ящике стола, Полоцкий положил на столешницу серебряный перстенок с крошечным стеклянным шариком. – Но если ты решишь остаться, то тебе пригодится амулет для переводчика. Русский язык восстановится не сразу.

Элис не могла отвести взгляда от украшения ручной работы, навверняка, стоившего огромных денег. Домашние амулеты напоминали рождественские шары, где вместо милых миниатюр и вихрей искусственного снега клубился дымок

заклинания. Они быстро приходили в негодность, но стоили совсем недорого и использовались повсеместно, зато персональные талисманы мог позволить себе не каждый. В крошечном шарике сосредотачивалось колдовство такой силы, что стеклянные горошины закаляли специальными заклятьями.

Полукровке казалось, что забрать столь ценный подарок приравнялось к тому, чтобы простить колдуна, семь лет назад разрушившего ее жизнь ради власти, ведь в будущем его сын претендовал на трон теневого города.

Интересно, тот случай хотя бы чему-нибудь научил Виктора? Не хотелось бы иметь властителя, живущего собственными капризами.

Ненавидя рациональную особу в себе, очередной раз принимавшую правильное решение, с непроницаемым видом она подошла к столу. Проигнорировав понимающую усмешку распорядителя, Элис сжала в кулаке неказистое украшение. Перстенок точно бы обжог руку.

– Я подожду отца в парке, – пробормотала она и, не прощаясь, расстроенная и подавленная, вышла из кабинета.

На улице окончательно стемнело. Горели фонари. Дождь стих, но ветер тревожил насквозь промокшие кроны деревьев и с веток, попадая на волосы и за шиворот, сыпались крупные ледяные капли. Дожидаясь отца, Элис забрела в

дальнюю аллею парка. Смахнув с деревянного сиденья влажные кляксы, она обессилено опустилась на скамью перед иссушенным на зиму фонтаном.

В душе не осталось ни злости, ни печали, только странное оупение. Если верить, что у принятия неизбежного имелось пять стадий, то она застряла где-то между гневом и торгом. И хотела бы торговаться с судьбой, но не знала, что предложить в качестве платы.

В воздухе повеяло сигаретным дымом и резкий запах отпугнул оцепенение. Враз Элис ощутила, что ноги в летних балетках заледенели, а тонкое пальто не спасает от промозглого холода, царившего в осеннем парке.

На противоположном конце длинной скамьи, закинув ногу на ногу, сидел молодой мужчина с сигаретой в одной руке и со стаканом из кофейни – в другой. Несколько секунд Элис без стеснения разглядывала соседа, похожего на модель из глянцевого журнала. Он был хорош собой: с правильными чертами лица, русыми волосами и красивыми руками. Незнакомец скривил губы в понимающей улыбке, отчего стал выглядеть необычайно привлекательным, и что-то быстро сказал.

– Не понимаю русского. – Элис отвернулась.

– Я спросил, мне затушить сигарету? – перешел он на превосходный английский.

– Не надо, – хмыкнула она, пряча ледяные руки в карманы пальто. – Наслаждайся, сигареты – это отличный способ

заработать рак легких, но я не против, если ты отсядешь на другую лавку.

Она кивнула на пустующие скамейки и со стороны незнакомца послышался тихий смешок.

– Терпеть не могу пить кофе в одиночестве, – воспротивился он насильственному отселению и протянул в ее сторону стакан: – Поделиться?

– Ты что, предлагаешь мне допить твой кофе? – недоверчиво переспросила Элис. – Это не гигиенично.

– Как хочешь, – пожал он плечами.

– Разве я отказалась?

Сделав последний глоток, мужчина выбросил в урну окурок, туда же полетел пустой стакан. Казалось бы, причин мерзнуть на парковой скамье не осталось, но незнакомец не торопился уходить.

– Не люблю осень, – после долгого молчания произнес он. – Хмурое время года, от него тянет депрессией.

Элис всегда считала, что если бы заезженная тема погоды находилась под строгим табу, то людям удалось бы избежать сотни бестолковых знакомств и десятки неудачных романов.

– Давай сразу, чтобы отместить недопонимание, договоримся: ты не в моем вкусе, – заявила она. – Не люблю мужчин красивее меня самой.

– Не хочу задеть твоего самолюбия, но ты тоже не в моем вкусе, – мгновенно парировал тот. – Не люблю унылых дурнушек.

– Да ты умеешь делать комплименты, – издевательски протянула Элис. – Хорошая черта. Говорят, в карьере очень помогает.

Несколько бесконечных секунд они смотрели глаза в глаза.

– Паршивый день выдался? – с притворным сочувствием в голосе протянул мужчина.

– Скорее десятилетие.

Как бы Элис не пыталась выглядеть отчужденно, но улыбки сдержать не смогла. В лице собеседника промелькнуло странное выражение.

– Унылая дурнушка у тебя потрясающая улыбка.

– Я знаю, но ты по-прежнему не в моем вкусе, – отшутилась она.

В этот момент у нее в кармане тренькнул принявший сообщение мобильный телефон. На экране светилось коротенькое послание отца. Вместе с крестным он ждал дочь у главных ворот парка. В нескольких словах папа умудрился сделать десяток ошибок и превратил простую фразу в сложный шифр.

– Мне пора.

Элис встала и, отряхнув пальто, повесила на плечо сумку.

– Уйдешь, даже не узнав моего имени? – притворно удивился красавчик.

– Не интересуюсь именами первых встречных.

Мужчина поднялся со скамейки, и Элис вдруг поймала

себя на том, что смотрит на него снизу-вверх, хотя была довольно высокой.

– Ты можешь попросить номер моего мобильного, – предложил он, – а я сделаю исключение и не откажусь тебе его дать.

– И не коллекционирую телефоны мужчин, имен которых не знаю.

Он усмехнулся и вдруг протянул руку к ее лицу, отчего Элис заворожено замерла. Незнакомец осторожным движением снял что-то с ее волос, заколотых в небрежный пучок.

– Познакомимся, когда встретимся во второй раз? – Он показал крошечную веточку, очевидно, из-за ветра слетевшую с дерева.

– Так и сделаем. – Элис так опасалась прикоснуться к его по-мужски красивой руке, что вцепилась в сумку. С лукавой полуулыбкой визави сжал веточку в кулаке.

– Тогда до встречи? – Донеслось до удалявшейся девушки. Не обернувшись, она помахала рукой.

На душе скреблись кошки. Элис знала, что больше никогда не встретиться с красивым соблазнителем, как бы того не желала. Для обычных людей двери в теневой мир были заперты на засовы.

Лайма встретила новость о возвращении падчерицы ледяным молчанием, и ни слова не проронила во время долго-

го объяснения в кабинете отца. Только прежде чем выйти за дверь сухо оборонила:

– Надеюсь, мы переживем эти три месяца без потрясений.

От обидных слов у Элис сжался желудок, и за ужином любовью проглоченный кусок застревал в горле. За столом царила тяжелая атмосфера. Родственники без аппетита ковырялись в еде. Эмилия делала отчаянные попытки оживить унылую трапезу светской беседой.

Внешность младшей сестры казалась бы заурядной, если бы не копна пушистых кудрей и лучистые синие глаза, волшебным образом преобразившие невыразительные черты маленького личика.

Недавно юной колдунье исполнилось восемнадцать лет, она стала совершеннолетней и получила приглашение на свой первый прием во Дворце. Предстоящее событие полностью поглотило мысли дебютантки. Она говорила исключительно о субботнем бале, а родственники, опасавшиеся обсуждать возвращение семейной изгнанницы, охотно схватились за безопасную тему осеннего праздника, как утопающий – за соломинку.

– Алиса, ты сможешь мне выбрать платье? – Мила с раздражающим упрямством пыталась сделать вид, будто не находила ничего удивительного в приезде сестры или в том, что ту подозревали в одержимости.

– Конечно, – кивнула Элис, даже не пытаясь изобразить воодушевление.

Насильственное возвращение в семью превратилось для нее в неподдельное потрясение. Она всерьез не верила, что наяву видит знакомые с детства фарфоровые тарелки, резные бокалы из толстого хрусталя и супницу с золотой каемкой.

– Праздник будет грандиозный. Жаль, что тебе придется сидеть дома. – Мила выглядела столь разочарованной, что становилось очевидным – ей действительно было обидно за вынужденный домашний арест гости.

– Это даже неплохо, учитывая, что меня тошнит от всего, связанного с Дворцом, – ковыряясь вилкой в еде, невозмутимо отозвалась та.

Над столом повисла гнетущая тишина. Отец быстро переглянулся с женой и сделал большой глоток вина. Во время ужина он отыгрывался на отбивной, распиливая мясо на крохотные кусочки, и преуспел настолько, что жесткое кушанье разжевал бы однозубый старик. Мила густо покраснела, а в болезненном лице Алексея появилось беспокойство.

– Я в порядке, – догадавшись, что родственники ожидают истерики, улыбнулась Элис.

– Алиса, злиться бессмысленно, – тихо заметил крестный.

– Но я не злюсь.

– Ты прекрасно знаешь, что приняла верное решение. Оно пойдет тебе во благо.

– Во благо? Слово-то красивое подобрал... – Девушка отложила приборы и мрачно усмехнулась. – Почему, когда в

моей жизни случается какое-нибудь дерьмо, обязательно находится умник, который говорит, что оно мне во благо?

Совершенно точно, ни одно ругательство никогда не портило ауры мачехиной кухни, и родные замерли. Лайма пошла красными пятнами, но промолчала.

– Бессмысленно срывать гнев на близких, – тихо заметил крестный.

Отказываясь извиняться, Элис ретировалась:

– Если никто не против, я пойду к себе. У меня был сложный день. – Она поднялась из-за стола. – Приятного аппетита.

Родственники проводили гостью тягостным молчанием.

Элис толкнула дверь в свою спальню на втором этаже, включила свет и оцепенела, с размаху окунувшись в прошлое, как в ледяную воду. В комнате точно остановилось время, разве что от солнечных лучей, по утрам проникавших в спальню, выцвел плакат известной рок-группы на стене, и появилась стылая сырость, как в любом, долгое время нежилом помещении. Все вещи стояли на своих местах, но теперь в детском убежище повзрослевшая изгнанница чувствовала себя, как в тесном застенке.

Она без сил опустилась на узкую постель и стянула с пальца кольцо-амулет с заклинанием перевода. Вокруг царило ледяное безмолвие, не звучало ни хороших, ни плохих фраз, и стеклянная горошина стала полностью прозрачной. Покрутив украшение в руках, девушка потянулась к письменному

столу и спрятала перстенок в верхний ящик.

Элис не желала знать, о чем говорили люди вокруг. На сегодня с нее было достаточно разговоров на русском языке.

Глава 2

Дебют мышцы

В торговом центре царила атмосфера праздничной кружевности. Кружили голову запахи дорогих духов, с пристрастием на покупателей поглядывали изысканно одетые манекены. Эмилия торопливо шла по аллее между магазинов и ловила свое искаженное отражение в блестящих витринах. Со стороны казалось, что густая кудрявая шевелюра делала ее похожей на перезрелый одуванчик на тонких ножках-стебельках.

В тайне Мила хотела бы избавиться от вечно лохматой гривы и сделать стильную прическу, но в теневом мире короткие волосы у женщин считались возмутительным вызовом обществу, ведь в темные времена косы состригали распутницам и смертницам. Даже Алиска, много лет прожившая в светском мире среди обычных людей, не решилась на стрижку, а Милочку за обрезанные кудри мама бы вовсе четвертовала...

Колдунья так увлеклась оценкой собственного двойника, что не заметила идущего навстречу мужчину. Столкновение получилось жестким и болезненным – Мила до слез ударила носом.

– Извините! – Она испуганно отпрянула и вдруг стала те-

рять равновесие. Стараясь устоять на ногах, девушка машинально вцепилась в клетчатую рубашку незнакомца, и под сжатыми пальцами затрещала тонкая ткань.

– Осторожнее! – взвыл бедолага и схватил Милу за плечи, помогая вернуть вертикальное положение. В ее кулаке осталась вырванная пуговичка.

– Ой, мне так жаль! – промычала Эмилия и со страдальческой гримасой пригладила ниточку на рубашке, торчавшую хвостиком на месте отодранной пуговицы.

Надеясь, что мужчина не заметил оплошности, барышня вознамерилась тишком «присобачить» перламутровый кругляшок на место с помощью заклинания, но даже не успела нахмуриться, как задохнулась от острого ощущения, что прямо перед ней стоял колдун. И он был не из неофитов. Будто обжегшись, она отдернула руку, испуганно подняла голову и попятилась назад...

Иронично глядя сверху вниз, за Милиными манипуляциями следил Виктор Полоцкий.

– Ты ведь сейчас не пыталась колдовать в людном месте? – спросил он.

– Я бы никогда не нарушила... – Под насмешливым взглядом она проглотила уверения и просто протянула на раскрытой ладони пуговку: – Это ваше.

– Оставь себе.

– Спасибо, – для чего-то поблагодарила Мила и посторожилась, освобождая дорогу.

Она следила за Виктором зачарованным взглядом, отказываясь верить, что умудрилась в обычном торговом центре столкнуться с мужчиной, чья фотка, стащенная с чужой страницы в соцсети, до недавнего времени украшала «рабочий стол» ее компьютера. В жизни он выглядел иначе, чем на глянцевом снимке. Был старше, гораздо привлекательнее, но главное, его окружала особенная аура колдовского дара, присущая исключительно древней крови. Кажется, даже его одеколон пах магией.

Неожиданно колдун развернулся и начал возвращаться.

– Я передумал.

– А?

– Верни пуговицу на место.

– Ладно... – пробормотала Мила, не веря собственным ушам, и воровато огляделась вокруг. Люди не обращали на них внимания.

Стараясь скрыть волнение, кончиком пальца она прижала пуговичку к рубашке и неслышно забормотала заклятье. Ниточка только-только ожила и задергалась в попытках попасть в крошечную дырочку на кругляше, как Виктор хмыкнул:

– Читаешь заклинания вслух?

Мила смутилась, густо покраснела, а магическая вязь распалась. Пришлось начинать заново. Юная колдунья чувствовала себя как на экзамене в Высшей школе ремесла и боялась представить, насколько бездарной студенткой выглядела со стороны.

– А ты на нее похожа, Мышка...

– На кого? – Она с изумлением заглянула в безмятежное лицо Виктора.

– На свою сестру.

Пуговичка упала на пол, а Милочка в замешательстве тарасилась в серые холодные глаза мужчины.

– Вы знакомы с Алисой?

– Не знаю. Спроси у своей сестры, знакомы ли мы? – Он загадочно улыбнулся. – Слышал, что она вернулась в город? Как она поживает?

Девушка дернула плечом. Вряд ли человек, против воли запертый в городе по подозрению в бесноватости, может жить хотя бы сносно. Не зная, какого от нее ждут ответа, Мила призналась:

– Она сейчас здесь.

– Кто? – Собеседник вопросительно изогнул брови.

– Алиса... – Колдунья неопределенно махнула рукой: – Ждет меня в кафе. Хотите, я ее позову?

Эмилия полезла в рюкзак за мобильником, но Виктор перехватил влажную от волнения ладошку. От осторожно-го, пронизанного мягкостью прикосновения девушку словно прошибло парализующим заклинанием.

– Не стоит звонить твоей сестре. – Он улыбнулся. – Давай сегодня не будем ее расстраивать.

– А она расстроится? – непонимающе моргнула Мила.

– Даже не сомневаюсь. – Виктор отпустил руку девушки

и кивнул: – До встречи Мышка. Хорошо тебе поплясать в субботу.

– А вы будете на приеме? – уже ему в спину выпалила будущая дебютантка.

Виктор оглянулся через плечо и с дьявольски сексапильной улыбкой произнес:

– Теперь – наверняка.

Он скрылся в толпе, и Мила почувствовала себя оглушенной. Казалось, она вернулась из параллельной вселенной, где наследники могущественных кланов симпатизировали скромным колдуньям из семей неофитов, живущих за городской чертой.

– Ты кого с таким любопытством разглядываешь? – глубокий голос старшей сестры вернул Эмилию из сладостных грез.

– Ты здесь? – рассеянно пробормотала она.

В натянутой до бровей бейсболке Алиса походила на знаменитость, прятавшуюся от папарацци. Милу бесило подчеркнутое безразличие сестры к вниманию окружающих, словно она не замечала, какое впечатление производила на людей.

– Я заходила в бутик, твое платье уже готово... – Алиса попыталась увлечь будущую дебютантку в сторону магазина с праздничными нарядами.

– Ты знакома с Виктором Полоцким? – вырвалось у Милы.

Старшая сестра поменялась в лице.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто...

– Да, мы знакомы, но я искренне надеюсь, что он притворится незнакомцем, если мы случайно встретимся. – Алиса не скрывала раздражения. – Теперь мы можем идти?

– Вы дружили?

– Мы что? – На мгновение сестра опешила, а потом вдруг расхохоталась. Она смеялась заразительно, но обидно для Милы, совершенно не стесняясь, что привлекает внимание праздных зевак.

– Я сказала что-то нелепое?

– Нет, извини... – Алиса с трудом перевела дыхание и вытерла выступившие на глаза слезы. – Мы не были друзьями даже в кошмарных снах. Поверь, имея таких друзей, как Виктор Полоцкий, можно не заводить врагов. Идем?

Она весело кивнула в сторону бутика, и Миле ничего не оставалось делать, как плестись следом. Неожиданно она поймала себя мысли, что в действительности ничегошеньки не знает о том, что на самом деле произошло семь лет назад, только версию, пересказанную родителями.

В читальном зале дворцовой библиотеки царила умиротворенная тишина. В огромном помещении было безлюдно, столы для чтения пустовали, и Элис подозревала, что весь

теневого город единодушно готовился к вечернему приему. В большие окна пробиралось яркое, совсем не октябрьское солнце. Косые лучи льнули к паркетному полу, вырисовывая теневую мозаику.

– Кто-нибудь есть? – позвала Элис, надеясь, что к ней выйдет хотя бы отцовский помощник, исключительно странный тип. Видимо, он не услышал голоса гостыи, и той пришлось сложить привезенные по поручению папы гримуары на пустую рецепцию.

– До свидания! – прикрикнула гостыя тишине, развернулась и едва не уткнулась в грудь высокого мужчины. Она инстинктивно отпрянула и со всего маха налетела спиной на рецепцию. От удара стойка задрожала, пирамида старых книжек разлетелась по полу. В воздухе взмахнули бумажными крыльями несколько выпавших страниц.

– Какого... – хотела было выругаться Элис, но вдруг в высоком незнакомце узнала красавчика из дождливого парка.

– Извини, – смущенно пробормотал он, присаживаясь на корточки, чтобы собрать гримуары. – Не хотел напугать.

– Но все равно напугал, – проворчала она и, опустившись рядом, принялась складывать желтоватые странички. – Ты всегда подбираешься к людям со спины?

В один момент они схватились с разных сторон за один томик и встретились глазами. Мужчина одарил Элис, вероятно, одной из самых соблазнительных улыбок, какие она видела в своей жизни.

– Привет?

– Привет. – С улыбкой она покачала головой. – Почему я думала, что в этом городе можно встретить нормального парня, когда вокруг одни колдуны? Я почти разочарована.

Поднявшись на ноги, Элис водрузила стопку книжек обратно на стойку.

– Не умеешь распознавать колдунов? – Он выпрямился.

– Поэтому вы меня пугаете.

Незнакомец из дождливого парка выглядел гораздо привлекательнее и элегантнее, чем ей запомнилось, а его светло-серое пальто, наверняка, стоило дороже, чем весь наряд девушки вместе сложенный.

Достав из внутреннего кармана перьевую ручку, мужчина снял колпачок.

– Насколько я понимаю, ты тоже не по человеческой линии. – У него был приятный голос.

– Это зависит от того, какую линию рассматривать...

Элис осеклась и с удивлением проследила, как собеседник, не спрашивая разрешения, взял ее за руку, а потом задрал рукав. Обнаружив на запястье медицинскую повязку, он без церемоний оголил второе запястье.

– Стесняюсь спросить, но что ты делаешь? – не протестуя против обезоруживающей бесцеремонности, уточнила она.

– С каких пор ты хорошо говоришь по-русски?

– Мне подарили амулет с заклинанием перевода, – призналась Элис. – А ты всегда раздеваешь девушек еще до то-

го, как узнаешь их имя?

– Ты абсолютное исключение из правил, – промурлыкал ловелас и вдруг стал выводить у нее на запястье чертежно-красивые цифры. Чернила моментально впитывались в кожу, превращаясь в чуть расплывшуюся татуировку, точно бы сделанную много лет назад.

– Стоп! Стоп! – Элис попыталась освободиться, но, не обращая внимания на протест, мужчина крепче сжал ее руку и печатными буквами расписался «Марк».

– По-моему, отлично смотрится, – с довольным видом он еще раз проверил надпись.

– Отлично смотрится? – с испуганным смешком повторила девушка. Она не знала, как поступить лучше – сначала расхохотаться, а потом врезать нахалу по физиономии? Или же не терять времени на прелюдию и ударить сразу за примененное к ней колдовство?

– Что тебя расстраивает? – Нахал закрыл ручку и убрал обратно в карман. – Ты же обещала, что узнаешь мои имя и телефон, когда мы встретимся во второй раз.

– Теперь все будут думать, что у меня на руке выбит тюремный номер и зовут меня Марк! – Она поскребла надпись ноготком, но чернила намертво въелись в кожу.

– Надпись смоеся после того, как ты мне позвонишь, – уверил ее колдун, а Элис поймала себя на мысли, что не подозревала о существовании подобных заклинаний. – Я тут подумал, что совсем не против узнать твое имя и телефон.

– Когда встретимся в третий раз, то я даже фамилию назову.

– Тебе так понравилась татуировка, что не хочется ее смыть? – сексуально улыбнулся новый знакомый.

– У тебя отличный почерк.

Тут из-за стеллажей с русской классикой, выглядевшей бесстыдно нечитанной для читального зала, со старым манускриптом в руках появился помощник библиотекаря.

– Марк Иванович, я нашел... – Он оборвался на полуслове и в потрясении уставился на начальственную дочь, приехавшую рано поутру. Видимо, Лазарева-старшая являлась популярной темой для обсуждений в маленьком царстве книг, и увидеть знаменитую ссыльную воплоти оказалось сродни тому, как столкнуться с неожиданно ожившим героем анекдотов.

– Я привезла гримуары, и мне уже пора, – пояснила она, указав на развалившиеся старые сборники заклинаний, и протянула Марку руку: – Тогда до третьей встречи?

Он мягко сжал тонкие девичьи пальчики.

– Тогда *до скорой встречи*, девушка, имени которой я все еще не знаю.

Элис осторожно освободила руку и, кивнув ошарашенному библиотекарю, направилась на выход. Спиной она ощущала взгляды двух мужчин. Ладонь горела от прикосновения, показавшегося нежным и интимным.

Бывшая ссыльная знала, что в следующий раз, когда они

встретятся, красивый искуситель из дождливого парка будет знать ее имя, историю и большую часть слухов, а потому вряд ли захочет снова увидиться или пожать руку...

Мила крутилась перед зеркалом и никак не могла налюбоваться на свое отражение. Макияж и выпрямленные волосы делали ее старше, а серебристое платье, при любом движении взрывавшееся бриллиантовым блеском, скрывало незрелую угловатость. Юная колдунья купалась в ощущении, что похожа на сказочную принцессу.

Омрачало блаженство лишь то обстоятельство, что организаторы бала подобрали Миле невзрачного партнера, заметно уступающего ей в росте и со странным именем Оскар. Зато он приходился внучатым племянником знаменитой Модесте Вознесенской, чей клан наравне с кланом Полоцких претендовал на властительский трон.

На кровати, застеленной розовым стеганым одеялом, затрезвонил мобильный телефон. Юная колдунья бросилась отвечать на звонок с такой резвостью, что запуталась в длинном подоле, и плюхнулась на постель.

– Алло! – пропыхтела она в трубку и отлепила прядку волос, прилипшую к накрашенным блеском губам.

– Привет, Мышка, – промурлыкал мужской голос, и Мила мгновенно узнала Виктора Полоцкого.

– Откуда вы знаете мой номер? – выпалила она быстрее,

чем успела подумать, что стоило бы скрыть наивное изумление.

– Когда ты говоришь мне «вы», я чувствую себя пенсионером, – отшутился он.

– Что вы... ты хотел?

– Телефон твоей сестры.

Едва вознесшись на небеса, Мила рухнула обратно на землю, а потому почувствовала боль во всем теле. Заболело в груди, в ладонях, в ногах.

– Алиса... только что поменяла номер, – соврала она, – я его еще не успела узнать.

Словно наяву юная колдунья увидела, как он понимающе усмехнулся.

– Но ведь ты его узнаешь?

– Да, – через силу пообещала та.

Вероятно, догадавшись, как сильно расстроилась дебютантка, он не торопился прощаться.

– Тебе подобрали партнера на сегодняшний утренник? – Голос Виктора приобрел медовые интонации, соблазняющие и сладкие, от каких у Милы сводило живот.

– Кое-кого смогли найти, – уклончиво отозвалась она, не позволяя своему предательскому сердцу снова по-глупому вострепетать.

– Он тебе нравится?

– Нравится, – огрызнулась Мила.

– Жаль.

– А?

– Если бы этого типа тебе навязала организаторша, то я бы предложил избавиться от него, но раз так... Хорошего тебе вечера, Мышка.

– Я избавлюсь от него! – выпалила девушка, но он уже отключился.

Мила сидела на кровати и таращилась на потухший экран мобильного телефона. Не слышалось ли, что Виктор Полоцкий флиртовал с ней? Она тихо хихикнула, а секундой позже повалилась спиной на кровать и счастливо расхохоталась, колотя ногами по одеялу.

– У тебя все нормально? – раздался из дверей удивленный голос Алисы.

Мгновенно замолкая, Милочка села и с бесстрастным видом пригладила растрепавшиеся волосы. Резкий перепад настроения окончательно запутал старшую сестру. Вероятно, посчитав, что в преддверии бала дебютантка находится на грани нервного срыва, она предложила:

– Хочешь, я принесу из бара что-нибудь крепкое?

– Я в порядке.

– Хорошо, потому что пришел твой партнер по танцам... И он очень странный. – Алиса послала сестре выразительный взгляд, намекая, что Оскар Вознесенский представлял собой полное разочарование для любой здравомыслящей девушки.

Вдруг Миле показалось, что сестра в затрапезном наряде, с рассыпанным пучком на голове выглядела элегантнее,

чем она – в сказочно-красивом платье. На секунду юной колдунье захотелось возненавидеть Алису за уточенную бледность, глаза с поволокой, красивые ключицы, грациозные жесты. За то, что она являлась той, чей телефон жаждал получить Виктор Полоцкий...

– Ты идешь? – изогнула Алиса брови.

– Иду, – вздохнула Мила, смиряясь с неизбежной встречей с нежеланным кавалером.

Отчаянно стуча каблуками по деревянной лестнице, она спустилась в гостиную, где родители обхаживали первого в их жизни кавалера младшей дочери.

В комнате горели и свет, и камин. Оскар сидел на диване с обивкой, повторяющей колер его гороховой бабочки. Так что диванным подушкам кавалер вполне подходил, жаль, не дебютантке.

– Милочка, а вот и ты... – Мама поднялась с кресла, вынуждая встать мужчин. Незнакомо улыбаясь, она подошла к дочери, за холодные руки ввела в комнату.

– Дочь, ты очаровательна. – Искренне восхитился отец.

– Эмилия, вы прекрасно выглядите, – чопорно кивнул Оскар.

– Спасибо, – промычала та.

От мысли, что ей придется подарить свой первый танец мужчине ниже ее на полголовы, во рту становилось горько. Стоило ли целый месяц тренироваться в студии с другими дебютантками, чтобы получить партнера, чей взгляд упирал-

ся в ее не очень-то завидное декольте?

– А где ваша старшая сестра? – полюбопытствовал Оскар, оглядываясь вокруг, как будто Алиска могла спрятаться за кресло или под столом.

– Алиса старается не появляться на людях, – неловко соврала мама.

– Знаете, Лайма Станиславовна...

– Называйте меня просто Лаймой, – поспешила та снять условности. Видимо, фамилия Вознесенский волшебным образом превращала тошнотворную чванливость Оскара в благородную церемонность.

– Знаете, Лайма, вообще-то бабушка была против того, чтобы я сопровождал Эмилию на прием... – Он не заметил, что от признания у всех Лазаревых синхронно вытянулись лица. – Было ужасно неловко, ведь ректор Петров настаивал. Но когда вашу старшую дочь амнистировал сам властитель, то бабушка сдалась. Мы встречались с Алисой во Дворце. Удивительная женщина. Не совру, если скажу, что всегда считал ее невиновной...

– Оскар, я надеюсь, вы не забыли, что на прием идете с Милой? – резковато перебила его Лайма.

– Я осведомлен, – согласно кивнул кавалер. Отец семейства Лазаревых не удержался и иронично фыркнул, а потом раскашлялся, чтобы скрыть конфуз.

– Мне кажется, вы опаздываете, мои дорогие... – с фальшивой улыбкой объявила хозяйка дома.

Мила заметила, что на каминной полке лежал приготовленный отцом фотоаппарат. Вероятно, он мечтал запечатлеть счастливую дебютантку перед важным событием, но при чудеке Оскаре даже не пожелал взять камеру в руки.

Эмилия влюбилась в безудержное веселье бала ровно в тот момент, как оказалась в дворцовом холле с высокими потолками и подвижными фресками, изображавшими живые картины из истории теневого мира. Бесконечная анфилада залов с распахнутыми настежь дверьми была заполнена разряженной публикой. Дрожащий воздух насыщенно пах хитроумными магическими амулетами, спрятанными в украшениях, часах и в запонках.

Даже без шампанского Милочка чувствовала себя опьяненной ароматами ворожбы и звуками ненавязчивой музыки, оттеняющей разговоры, но не мешающей им. Цепляясь за локоть Оскара, она вслушивалась и всматривалась, старалась напитаться новыми впечатлениями, нанизать на нитку памяти, как жемчужины, чтобы потом перед сном перебирать, точно драгоценные бусины в четках.

Едва Мила пригубила из бокала розовое искристое вино, как за спиной раздался высокий поставленный голос организаторши бала:

– Осторожнее, моя дорогая, не напейтесь до первого танца!

Дебютантка повернулась к распорядительнице праздника. Та была полнотелой дамой с медными волосами и наифальшивейшей улыбкой, от какой у собеседников невольно начинало сводить челюсти. Поговаривали, что в молодости колдунья пела оперу, и казалось, будто она до сих пор стояла на сцене, но на деле просто преподавала колдовской этикет юным барышням в средней школе ремесла.

– Очаровательно, – с недовольством оглядев изысканное платье Милы, резюмировала организаторша.

– Спасибо, – с серьезным видом кивнул Оскар, точно бы комплимент относился его уморительной гороховой бабочке.

Напрочь проигнорировав павлина, дама продолжила тренировать дебютантку:

– Постарайся не зацепиться каблуком за подол, а то растянешься посреди зала, как это случилось на репетициях.

При напоминании о тех позорных моментах, когда она путалась в собственных ногах, пытаясь изучить неподвластную науку вальса, у неумехи вспыхнули щеки.

– Не беспокойтесь, мадам, я прекрасно танцую, – оправив пиджак, уверил Оскар.

Дама прищурилась в его сторону и, изумив Эмилию до глубины души, приложила к глазу старинный лорнет, отчего-то похожий на театральный бинокль:

– А вы кто такой, молодой человек?

У внучатого племянника Модесты Вознесенской так вы-

тянулось лицо, словно ему секунду назад в это самое гладко выбритое, прихлопнутое дорогим лосьоном лицо смачно плюнули.

– Эмилия, я познакомлю вас с моим кузенком, наследником клана Вознесенских, – пафосно провозгласил Оскар.

– Вы про Марка Ивановича? – оживилась организаторша. Коротышка важно кивнул.

– Нам пора... – Он глянул на Милу, пытаясь сообразить, как бы обратиться к барышне, дабы подчеркнуть степень возмутительной близости, и вывел: – Моя милая.

Они поскорее отчалили в людской океан.

– Не забудь, что первый танец начнется в девять вечера! – в спину Миле прикрикнула организаторша. – Если опоздаешь, то никто ждать не будет!

Юная колдунья скрипнула зубами и, путаясь в длинной юбке, поплелась за кавалером.

– Ненавижу эту бабищу, – впервые за вечер озвучил здравую мысль Оскар.

– Я тоже, – хмуро согласилась Мила, вдруг почувствовав к спутнику нечто вроде симпатии.

В ритуальном зале, главным украшением которого являлась огромная обрядная чаша, народ толпился особенно тесно. Если верить противной организаторше, официальное открытие бала начиналось с зажжения ритуального огня. Видимо, зеваки заранее занимали удобные места, ведь зрелище, судя по фоткам в Интернете, обещалось быть сказочно

красивым.

– А вот и он, – указал Оскар на двоюродного брата.

Марка Вознесенского Эмилия узнала с первого взгляда – много раз видела снимки в социальной сети «Теневой город». Выглядел он озабоченным, кого-то высматривал в толпе и появление родственника встретил с холодным равнодушием.

– Уже здесь? – вместо приветствия произнес он и скользнул по Миле индифферентным взглядом: – Добрый вечер.

Дебютантка на подсознательном уровне ощутила, что Вознесенский тщательно пытается скрыть раздражение, и стала густо краснеть. Видимо, к кузену наследник клана добрых чувств не испытывал.

– Дорогой брат, позволь тебе представить мою спутницу... – напыщенно начал Оскар, – Эмилия Лазарева.

Марк мгновенно вцепился в девушку острым, пронизывающим взглядом. Вдруг Мила догадалась, что красивый высокий мужчина, только-только смотревший на нее с вежливым безразличием, знаком с ее старшей сестрой.

– Вы знакомы с Алисой? – осторожно предположила она.

– Нет, – отрезал тот таким тоном, что тут же становилось ясно – еще как знаком.

– Извините, – покаялась Мила.

– За что вы извиняетесь? – удивленно приподнял брови Марк.

Тут к нему подошли какие-то важные колдуны, начался

непонятный разговор. Собеседники беспрестанно упоминали корейского шамана Ким Чжуна, а незадачливую парочку вытеснили из круга. Видимо, выглядеть в глазах дамы бедным родственником Оскару тоже не особенно нравилось, и он кисло предложил:

– Представьте меня своим друзьям?

Мила невольно покосилась на стайку девчонок-однокурсниц, хохотавших с другой стороны ритуальной чаши, и с содроганием нарисовала себе убийственное знакомство.

– Мне надо в дамскую, – опечалено вздохнула она.

Оставив кавалера дожидаться под дверью в коридоре, Эмилия закрылась в кабинке и уселась на крышку унитаза. Весело переговариваясь, в туалет вошли какие-то девушки. Включилась вода, рассыпался звонкий смех.

– Видели Кудряшка Сью пришла с нетопырем Оскаром? – заговорила одна, и Мила окончательно расстроилась. Обидные прозвища однокурсникам обожала придумывать Серафима, яркая блондинка, любимица факультета. Клички намертво прилеплялись к несчастным студентам, ведь шуточки подхватывали сначала фрейлины школьной королевы, а потом все учебное заведение.

– Зато ее познакомили с Марком Вознесенским, – заметила другая.

– Марк Вознесенский горяч! – подхватила третья.

– Виктор Полоцкий круче, он будущий властитель, – авторитетным тоном заявила Серафима.

В этот момент, приняв сообщение, в сумочке Эмилии громко пискнул телефон. Полагавшие, будто находятся в уборной одни, девочки примолкли, а дебютантка мучительно сморщилась, понимая, что пришло время обнаружить свое присутствие.

Она открыла дверь кабинки, под злорадные переглядки разряженных в пух и прах девчонок подошла к раковине и принялась мыть руки.

– Жаль, что партнеров для дебютного танца не подбирают по росту. Правда, Кудряшка Сью? – промурлыкала Серафима, деловито подкрашивая губы розовым блеском.

Мила скрипнула зубами.

– Вообще-то, – выключая воду, вымолвила она, – меня пригласил на бал Виктор Полоцкий. Но я не захотела светить наши отношения, и он попросил отцовского секретаря меня сопровождать. Думаете, что от меня надо было Марку Вознесенскому? Хотел проверить, все ли благополучно, чтобы потом не огрести от начальства.

Возникла странная пауза. У блондинки вытянулось лицо.

– Отношения?

– Именно. – Мила вытерла руки о бумажное полотенце.

– Значит, ты будешь танцевать с Виктором Полоцким?

– Так и есть, – с фальшивой легкостью подтвердила она, в точности копируя насмешливый взгляд в зеркале.

– Что ж... – Блондинка передернула плечами. – Я мечтаю увидеть момент, когда наша Кудряшка Сью будет танцевать

с будущим властителем города.

Дверь уборной не успела закрыться за разноцветной стойкой насмешниц, а Мила уже желала самой себе откусить длинный язык! Она понятия не имела, как выкрутиться из нелепой ситуации. Становилось ясно, что если ее партнером по танцам окажется Оскар Вознесенский, то до конца учебы не видать Милочке белого света!

Она металась от стены к стене, нервно грызла ноготь и пыталась найти пути к отступлению. Сбежать домой, а потом сослаться на плохое самочувствие?

Вдруг приоткрылась дверь, в тишину уборной вплеснулся шум многолюдного сборища и высунулась голова Оскара.

– Эмилия, вы скоро?

Некоторое время дебютантка с недоумением разглядывала кавалера. Удивительно, но девочки оказались правы: с круглым лицом, острыми торчащими ушами и острозубой улыбкой кузен Вознесенский действительно напоминал нетопыря.

– Дайте мне минуту! – выпалила она.

Когда голова втянулась обратно в коридор, Милочка выхватила из сумочки мобильный телефон и дрожащим пальцем выбрала в адресной книге имя Виктора с пририсованным трогательным сердечком.

– Алло? – раздался в трубке знакомый голос.

– Я предлагаю тебе сделку! – выпалила Мила и испугалась собственной дерзости.

– Что? – удивленно хмыкнул Виктор.

– Да! Сделку! Я дам тебе номер Алисы, если ты пообещаешь мне дебютный танец.

– Ты полагаешь, игра стоит свеч? – промурлыкал Виктор, явно насмехаясь над неумелой переговорщицей.

Он намеревался отказаться, и Эмилия почувствовала приближение паники.

– Я наврала однокурсникам, что ты будешь со мной танцевать! – призналась она и в отчаянье добавила: – И они меня сживут со свету, если ты откажешься!

На другом конце провода зазвучал тихий бархатный смех.

– Поднимайся в гостевой дом, Мышка. Я не заключаю сделок по телефону.

Он положил трубку, и Мила с сомнением уставилась на потемневший экран мобильного. Неужели у нее получилось?

Стоя перед номером Виктора Полоцкого, Мила набиралась смелости нажать на звонок. Только она протянула палец к кнопочке, как дверь распахнулась и на дебютантку едва не налетел худой брюнет во фраке.

– Ты кто?

– Я Мышка! – заливаясь румянцем, брякнула Мила.

– Ах, Лазарева-младшая, – догадался парень, и на лице заиграла странная улыбка.

Он придержал дверь, пропуская гостью в номер. Сильно нервничая, она последовала за провожатым в гостиную, но остановилась на пороге, обнаружив целую компанию незнакомых колдунов. Народ наслаждался тихим вечером и явно не торопясь на бал, куда так мечтала попасть наивная дебютантка.

– Пришла? – Виктор стоял за стойкой бара и наливал в широкий бокал виски. Оробевшая Мила как баран на новые ворота тарасилась на развязанный галстук-бабочку и кусочек обнаженной груди, мелькавший в расстегнутом вороте белой рубахи. Зрелище показалось самым эротичным из того, что она видела в своей невинной жизни.

Полоцкий протянул дебютантке мобильник с горящим экраном.

– Вводи.

– Что?

– Номер твоей сестры.

Мила для чего-то оглянулась к гостям, наблюдавшим за переговорами с полуулыбками. Кашлянув, она убрала руки за спину и, изображая невозмутимость, потребовала:

– А танец?

От оценивающего взгляда, скользнувшего от макушки до носочков босоножек, кокетливо выглядывающих из-под подола блестящего платья, у девушки сладко засосало под ложечкой.

– Так что о танце? – с вызовом спросила она.

– Договорились.

Дрожащими руками, оставляя на экране круглые пятнышки от пальцев, Мила быстро внесла номер Алиски, отчаянно надеясь, что сестра не догадается о предательстве.

– Ты выучила все танцевальные па? – забирая аппарат, улыбнулся Виктор.

– Да. – Она дернула плечом и для чего-то призналась: – Я готовилась к балу.

В душе Мила понимала, что ни одна тренировка не способна превратить колченогую табуретку в изящную балерину, и относила себя к той породе женщин, кому принципиально запрещалось танцевать, дабы не покалечиться самим и не покалечить партнера.

– Тогда встретимся на танцполе в девять? – Виктор явно выпроваживал гостью обратно на бал, но когда с гордым видом она повернулась к двери, то вдруг остановил: – Ты очень красивая, Мышка.

– Я? – не веря собственным ушам, она оглянулась. Никто и никогда не называл ее красивой, и от этого неказистого, затертого до дыр слова в груди молоточком застучало предательское сердце.

Полоцкий отсалютовал потрясенной дебютантке бокалом.

И Эмилия вернулась на бал, бесцельно побродила по залам, стараясь не попадаться на глазах знакомым по школе. После тихой утонченной вечеринки, происходившей в номере гостевого дома, шумное веселье разноликой толпы напо-

минало метание разноцветных попугаев в золотой клетке.

Мила пропустила прибытие властителя и открытие бала. В ритуальной чаше уже пылало голубоватое магическое пламя, распространявшее запах вереска. В смятении дебютантка оглядывалась вокруг, вдруг испугавшись, что первый танец тоже пропустила.

– Эмилия, вот вы где! – перед ней словно из-под земли вырос Оскар. Хотя сказать «вырос» язык не поворачивался, ведь его макушка доставала партнерше аккурат до носа.

И в этот момент анфиладу дворцовых залов накрыла громкая переливчатая музыка, призывавшая гостей в ритуальный зал. Народ заволновался, боясь пропустить волшебное действие, ведь ради того, чтобы поглазеть на танец дебютанток, на осенний бал в тeneвую столицу собирались колдуны со всех уголков страны.

Миле почудилось, что в толпе, среди незнакомых лиц мелькнул Виктор Полоцкий и сердце ушло в пятки.

– Знаете, Оскар, – решительно обратилась она к предполагаемому партнеру по танцам, – я не буду с вами танцевать!

– А?

– Спасибо, что вы сопроводили меня на бал, но я больше не нуждаюсь в вас.

– А?! – Внучатый племянник известной колдуньи пошел красными пятнами.

– Да! – заключила Мила. – Вот так!

И в этот момент зал накрыла темнота, едва-едва разгоня-

емая магическим пламенем в ритуальной чаше. Люди при-
молкли, заморожено ждали представления. Голос невидимо-
го ведущего принялся называть женские имена, и над каж-
дой из рассеянных по залу дебютанток вспыхивал энергети-
ческий шар.

– Эмилия Лазарева! – произнес голос, и Милочка оказа-
лась в столпе ослепительного света. Задыхаясь и волнуясь,
она направилась в центр зала, куда собирались остальные де-
вушки. Народ восхищенно шептался, а длинное серебристое
платье, при каждом шаге взрывалось бриллиантовым сияни-
ем. Не в силах сдержать взволнованной улыбки она встала в
круг с остальными дебютантками, замерла в ожидании Вик-
тора.

Но он не пришел.

Зазвучали первые звуки вальса, закружились в чарующем
танце пары. Вдохновенные дебютантки и галантные кавале-
ры. А Мила с намертво прилипшей улыбкой на устах про-
должала стоять в столпе ослепительно света, теребила бле-
стящую юбку и сверкала, точно новогодняя елка.

Шар резко погас, бедняжку ослепило от слез и унижения.
Она бросилась вон из зала, желая немедленно покинуть про-
клятый бал. Вслед летели шепотки, но теперь в них не зву-
чало восхищения, лишь злорадство, что сестра «той самой
Лазаревой» продолжает традицию и позорит семью.

Казалось бы, хуже уже быть не могло, но Мила ошибалась.
Не успела она добраться до гардеробной, как, откуда не возь-

мись, в окружении фрейлин появилась Серафима.

– Танец с Виктором Полоцким, говоришь? – издевательски протянула она, уперев руки в бока.

– Отвали, – буркнула Мила и, не сдержав злости, толкнула насмешницу. Удивительно, но королева школы не удержалась на ногах, неловко взмахнула руками и под удивленный возглас подружек совершенно не по-королевски растянулась на полу.

– Ах, ты дрянь! – вскрикнула она, ловко вскакивая на ноги, и вцепилась оторопевшей противнице в платье. Она рванула тонкую нежную ткань, и лиф с хрустом треснул. В ярости Мила вцепилась профурсетке в космы и дернула с такой силой, словно хотела отодрать вместе со скальпом.

– Дамы, остановитесь! – прогрехотал мужской голос. Видимо, к хулиганкам применили какое-то заклинание, и точно однополярные магниты они оттолкнулись друг от друга и прыснули в разные стороны.

Мила неловко споткнулась, в высоком каблуке что-то хрустнуло, и девушка завалилась назад. Толпа зевак разошлась, словно воды бездушного океана, и драчунья со всего маха врезалась в официанта с подносом закусок. На растрепанную голову посыпались канапе, креветочные корзиночки, а по платью потек розоватый соус.

Идеальный дебют Эмилии превратился в чудовищный провал.

В кабинете помощника дворцового распорядителя царил неприятный холод, пахло холодными заклятьями, и даже молчание отдавало презрительным холодом. За окном громыхало раскатистое эхо салюта, слышались восхищенные возгласы зевак, а Мила в разодранном платье скукожилась на краешке кожаного дивана и думала над тем, как сильно отличались колдунья древней крови из богатого клана и неофитка из неблагополучной семьи.

Сразу после драки Серафиму без разговоров и унижительных шествий через все дворцовые залы отправили личным водителем домой, а Милочке пришлось подняться в этот мрачный кабинет. Холеный красивый мужчина, сидевший за письменным столом, сложил пальцы домиком и рассматривал хулиганку с плохо скрываемым презрением. Она мечтала провалиться сквозь землю или, на худой конец, забиться под проклятый диван.

– Звоните своему отцу, – приказал Марк Вознесенский.

– Я потеряла телефон, – бросив на него смиренный взгляд, промычала Мила.

– Хорошо. – Марк достал из внутреннего кармана пиджака мобильник и швырнул на стол, заставив дебютантку испуганно вздрогнуть. – Звоните.

– А можно обойтись без родителей?

– Кто-то должен забрать вас домой? – Он поднял брови. – Не так?

– Можно я вызову сестру?

На короткий миг в непроницаемом лице колдуна промелькнуло странное выражение. Марк Вознесенский все-таки лично знал Алису, но пытался скрывать факт неподходящего знакомства.

– Конечно. – Он сделал приглашающий жест. – Вызывайте сестру.

Мила выставила ладонь и принялась читать заклинание, чтобы телефон сам подлетел к руке. Несколько раз она сбивалась, путалась в словах.

– Вам помочь? – поинтересовался Марк.

– Если можно...

Он щелкнул пальцами, телефон мягко спикировал в воздухе и переместился в трясущиеся пальцы неумелой колдуньи. Она быстро набрала номер сестры и, не глядя в сторону хозяина кабинета, прижала трубку к уху. Раздались длинные гудки, а потом прозвучал мягкий голос Алиски:

– *Hello*.⁵

– Это я, – пробормотала Мила по-английски и вдруг страшно смутилась отвратительного произношения. Наверняка Марк Вознесенский не страдал рязанским акцентом. Хотя, наверное, в Рязани люди тоже не страдали таким чудовищным акцентом, какой был у Эмилиии.

– Мила? – удивилась Алиска. – Ты с какого номера звонишь?

⁵ Здравствуйете (англ.)

– С номера... – Та с опаской покосилась на холодного, как жестяная банка, Марка, пожевала губами и выпалила: – Ты сейчас дома?

– Нет, я в кафе. – Сестра помолчала, точно осматриваясь по сторонам. – Место отличное, но чай отвратительный.

– Ты можешь за мной приехать? – выпалила Мила.

– Тебе надоел бал?

– Меня избили...

– Как?

– Вернее, я подралась.

– С кем?!

– С однокурсницей.

– У вас крыша сгорела?! – возмущенно воскликнула Алиска. – Вы хулиганки или дебютантки?!

– В любом случае... – Мила вдруг почувствовала, как начинает задыхаться от слез. – Меня не выпустят из Дворца, пока за мной кто-нибудь не придет!

– Эй, детка, – голос Алисы поменялся. – Ты там плачешь?

– Нет! – Она громко всхлипнула и вытерла текущий нос тыльной стороной ладони.

– Ты, я надеюсь, не сидишь и не рыдаешь в женском туалете?

– Нет. Я сижу и не рыдаю в кабинете помощника распорядителя.

На другом конце трубки стало очень тихо. Мила плохо помнила арест старшей сестры, допросы и суд, но слышала

из разговоров взрослых, что предшественник Марка Вознесенского сильно поистрепал Алиске нервы.

– Я приеду, – наконец согласилась она. – Пусть мне нарисуют знак, открывающий ворота во Дворец.

– Алиса... – проскулила младшая сестра в трубку, – только не говори папе.

Дворцовый парк выглядел темным и точно заброшенным. Судя по всему, организаторы приема не поскупились на чары, накрывшие территорию магическим пологом. О том, что рядом грохотал шумный праздник, выдавали лишь шеренги автомобилей, выстроившихся по обе стороны дороги, и характерный для охранных заклятий дурманный аромат вереска.

У ворот на постаменте стояла бронзовая ритуальная чаша. Элис вытащила из кармана аккуратно сложенную салфетку с отпирающим ворота символом и бросила в черную колдовскую воду. Вспыхнув синим пламенем, бумажный треугольник превратился в невесомый пепел, а плавающие на глянцевой поверхности березовые листочки остались нетронутыми магическим пламенем.

Секундой позже с территории дворца словно бы спало невидимое одеяло, и взору открылась забитая под завязку автомобильная стоянка. Во Дворец Элис вошла со служебного входа. В мраморном фойе с гербом теневого города на

стене визитершу встретил молчаливый охранник и проводил к кабинету помощника Полоцкого-старшего. С удивлением она обнаружила на двери незнакомые инициалы. Выходило, что старое чудовище заменили на более молодого, но не менее бесчеловечного монстра.

Деликатно постучавшись, охранник открыл перед Элис дверь. Приготовившись к неприятной встрече, девушка собралась в кулак волю и заставила себя войти. За просторным столом в кожаном офисном кресле сидел Марк. Она оторопела.

Невозмутимый и холодный, дворцовый служака совершенно не походил на очаровательного баловня, еще поутру с лукавой улыбкой рисовавшего номер телефона у нее на руке. Дорогой костюм, шелковый галстук, из кармана пиджака высовывался острый уголок платка, из-под манжеты батистовой сорочки – эксклюзивные часы с клубящимся дымком какого-то заклинания. Элис не имела никакого права на разочарование, но все равно отчего-то почувствовала себя разочарованной.

– Марк Иванович, приехали за Лазаревой, – пояснил охранник.

– Благодарю, – сдержанно отозвался хозяин кабинета, и провожатый немедленно закрыл за собой дверь. Видимо, во Дворце привыкли распознавать приказы помощника Полоцкого между слов и неукоснительно им подчиняться.

Низко опустив распушившуюся кудрями голову, Мила

ютилась на краешке кожаного дивана и безуспешно прятала разутую ногу под подол изгвазданного платья.

– Проходите, – официальным тоном произнес хозяин кабинета.

Элис не удивило, что Марк предпочел сделать вид, будто они незнакомы.

– Где вторая туфля? – не сдвинувшись с места, тихо спросила она у сестры.

– Потеряла...

– Ты рыдаешь, потому что с тобой сделали что-то плохое, или потому что тебя поймали на чем-то плохом?

Мила возмущенно вскинулась, у нее оказалось расцарапано лицо. Захотелось отвесить взбалмошной девице подзатыльник, но Элис только вздохнула:

– Ясно...

Она стянула куртку и, пройдя по кабинету, накинула на ссутуленные плечи страдальцы. Старая майка с глубоким вырезом открывала большую часть клейма на спине, и, поймав задумчивый взгляд Марка, Элис почувствовала себя полностью голой.

– Папа меня убьет? – всхлипнула Мила.

– Тебя только это сейчас беспокоит? – Старшая сестра повернулась к хозяину кабинета. – Вы отправите уведомление в Школу ремесла?

– Какое еще уведомление? – испугалась оскандалившаяся дебютантка. – Меня что могут из школы вытурить?

– Не присядете? – Марк указал на диван.

– Нет, – спокойно отказалась Элис. – У меня неприятные ассоциации с хозяевами этого кабинета, поэтому я хочу поскорее закончить. Так что насчет школы?

– Дворец не будет отправлять уведомление. Мы не заинтересованы в распространении слухов о том, в чьем номере гостевого дома началась вечеринка.

Чтобы догадаться, что речь шла о Викторе Полоцком много времени не понадобилось. Старшая свирепо глянула на потрепанную дебютантку.

– Он здесь не причем! – мгновенно выпалила та.

– Ты почувствуешь, что он очень даже причем, когда пойдешь домой разутая, – не сдержавшись, процедила старшая сестра и обратилась к Марку: – Могу я ее забрать?

– Вас довезет водитель, – предложил тот.

Некоторое время они пытливо разглядывали друг друга. Элис отчаянно хотелось наговорить резкостей, но кочевряжиться и отказываться от помощи ради глупой гордости казалось совершенно бессмысленным.

– Спасибо, – с прохладцей поблагодарила она, на самом деле, не испытывая никакой признательности.

Миле принесли одноразовые тапки с эмблемой гостевого дома, запаянные в целлофан. Покончив с переобуванием, она застегнула сестрину куртку и, шаркая по паркету, вышла в коридор.

Элис хотела было последовать за сестрой, но Марк оста-

новил ее, осторожно сжав локоть. От неожиданного прикосновения девушка вздрогнула.

– погоди, Алиса.

Он снял пиджак и накинул ей на плечи.

– Не надо, – воспротивилась она, пытаясь освободиться из теплого кокона, пахнущего нейтральным одеколоном. – Мне только до машины дойти...

– Надень, пожалуйста, – с нажимом попросил Марк. – На приеме собралось много важных колдунов, и если мы случайно кого-то встретим в фойе, то твое клеймо станет проблемой.

У Элис вытянулось лицо. Она не выносила жесты, красивые только на первый взгляд, а в реальности – унижающие похуже дурных слов.

– Окей...

Она засунула руки в слишком длинные рукава пиджака и в холодном молчании направилась к лестнице на первый этаж.

В фойе шумели веселые гости праздника. С любопытством народ поглядывал на опозорившуюся дебютантку, а когда в холле появилась Элис в сопровождении наследника известной фамилии, то люди тихо зашептались. Полукровка физически ощутила, как ее спутник напрягся, вероятно, разглядев в толпе знакомые лица.

К машине, стоящей с заведенным двигателем, они шли в хмуром молчании и старались держаться на безопасном

расстоянии, чтобы не дай бог не дотронуться друг до друга. Разочарование точно выстроило между ними глухую стену – не разломать, не докричаться, никогда не оказаться вместе.

Элис попыталась снять пиджак.

– Оставь, – остановил ее Марк. – Потом вернешь.

– Передам через отца. – Она помолчала. – Спасибо, что замял дело с дракой.

– Будь моя воля, я бы наказал твою сестру, – признался тот.

Было совершенно бессмысленно злиться на олицетворение Мистера Совершенство. Ссылное клеймо или опозоренная глупышка вряд ли вписывались в картину его правильного мира. Скорее всего наследник знаменитого клана имел идеальное реноме без помарок и погрешностей, куда ни в коем случае не закрылась бы ни одна ошибка.

– Твой номер... – Элис отвела взгляд. – Я попрошу, чтобы заклинание сняли.

Марк ничего не ответил, стоял с непроницаемым видом, сунув руки в карманы ладно сидящих брюк, а когда девушка хотела забраться в салон, то осторожно сжал ее локоть.

– Я могу спросить?

Видимо, у Мистера Совершенство накопилось множество вопросов о случайной знакомой с клеймом на спине, непрошено ворвавшейся в его идеальную жизнь. Но ссыльная полукровка совершенством не являлась и ненавидела чужие вопросы, неизменно заставлявшие ее врать.

– Вряд ли я тебе отвечу.

Элис устроилась рядом с сестрой. Марк закрыл дверь, подал водителю знак, и автомобиль мягко тронулся с места.

Это был конец так и не начавшегося романа.

– Почему Марк Вознесенский сделал вид, что вы незнакомы, если вы друг друга знаете? – спросила сестра.

– Потому что с такими, как я, знакомства не водят, – отозвалась она. – Продолжай в том же духе и закончишь так же.

– Ты меня пытаешься отчитывать?

– Отчитывать? – Девушка невесело усмехнулась. – С этим наша мама отлично справится. Я лишь пытаюсь понять, что именно во фразе «Виктор Полоцкий – хуже врага» осталось тебе неясным.

Не желая продолжать бессмысленного спора, она отвернулась. В кармане джинсов затрезвонил мобильник. Элис вытащила аппарат из тесного кармана. Определившийся номер был незнаком.

– Я вас слушаю.

– Ты стала еще красивее... – прозвучал в трубке почти забытый голос Виктора Полоцкого, говорившего по-английски с едва уловимым акцентом, и у Элис споткнулось сердце. – Ты знаешь, мне пришло в голову... мы стали старше, но ничего не изменилось. Я по-прежнему тебя вижу, а ты меня – нет...

Она молчала и теребила пуговку на пиджаке.

– Почему ты молчишь?

– Вы ошиблись номером, – с ледяными интонациями отрезала девушка и отключила вызов.

Открыв крышку телефона, она со злостью вытащила батарею, точно бы колдун мог дозвониться на отключенный номер. Младшая сестра с недоумением следила за потрошением ни в чем неповинного аппарата.

– Все нормально? – удивленно спросила она.

Элис почувствовала, что начинает задыхаться. Перед глазами поплыло.

– Остановите машину!

– Алиса, что случилось? – пролепетала Мила.

– Остановите!

Автомобиль плавно съехал к обочине.

– Езжай без меня, – бросила она, чувствуя, что балансирует на грани обморока, и выбралась на улицу с такой проворностью, точно под обивкой сиденья горела газовая конфорка.

– Алиса! – испуганно позвала сестра, но та уже пересекала засыпанный влажными листьями газон.

Прогулка по пустынной улице отпугнула панику. Ночной холод прочистил голову. Тиски, сдавившие грудь, ослабли, и дыхание постепенно восстановилось.

Она ошибалась, когда полагала, будто все забыла и стала смелее. Элис ненавидела себя за слабость перед колдуном, одержимым слепым желанием уничтожить все, чем не мог обладать.

За пару часов до окончания занятий перед школьными воротами остановилась машина Виктора Полоцкого, и два последних урока одноклассницы Алисы строили предположения, ради кого он приехал. Однако полукровке, сидевшей на задней парте в компании прочих бездарей, было очевидно, что властительский сын появился из-за нее...

Они встретились пару дней назад, случайно столкнулись на крыльце в доме крестного Алексея и всего на мгновение пересеклись взглядами, но у девочки по коже пробежал мороз. В холодных глазах Виктора вспыхнул интерес. Алиса глупо надеялась, что колдун выждет время, даст ей возможность собраться с мыслями, но, судя по всему, терпение не относилось к его добродетелям, если таковые вообще имелись.

Когда она вышла из здания школы следом за одноклассницами, то Виктор немедленно выбрался из авто, чем вызывал такой восторг у школьниц, будто они увидели мировую рок-звезду. Алиса накинула на голову капюшон, делая вид, будто прикрывается от дождя, а не от липкого взгляда колдуна, и с независимым видом спустилась с крыльца.

Не обращая внимания на хихикающих девятиклассниц, он обогнул машину и широко открыл пассажирскую дверь, перекрывая полукровке дорогу.

– Садись, Принцесса.

На лицах ее одноклассниц нарисовалось непритворное

изумление. Для всех школьников Алиса Лазарева являлась неудачницей, к кому цеплялись учителя, а ученики в лицо называли оскорбительным для любой колдуньи словом «недоведьма». Она покачала головой, отказываясь от сомнительной привилегии прокатиться в авто, похожем на коробок.

– Ты не садись в машины к незнакомым мужчинам? – сыронизировал парень. – В таком случае, меня зовут Виктор.

– Я знаю твоё имя, и кем ты являешься, – скрывая робость за наглостью, отозвалась она. – Но мне говорили, что ты никогда не знаешь имен своих подружек, поэтому... Как меня зовут?

– Принцесса?

– У меня тоже есть имя, а не собачья кличка, и оно мне нравится, – стараясь хотя бы внешне сохранить спокойствие, произнесла Алиса. – В следующий раз, когда решишь появиться, то потрудись хотя бы узнать его.

На лице Виктора расцвела изумленная улыбка.

– Бог мой! Да меня с детства так не отчитывали.

Он так никогда и не догадался, что Алиса начинала дерзить, когда не могла справиться со страхом.

– Поздравляю. – Она пожала плечами и с независимым видом направилась в сторону автобусной остановки.

– Алиса!

Девочка встала как вкопанная, словно наткнулась на невидимую стену, и резко обернулась. Засунув руки в кар-

маны, Виктор медленно приближался к ней. Должно быть именно так, неспешно и осторожно, хищники надвигались на обессиленную жертву.

– Ты думала, что я ничего о тебе не узнал, Алиса Лазарева?

– Я не тайный агент. – Она дернула плечом. – Обо мне легко узнать.

– Ты удивишься, если узнаешь, сколько людей не хотели рассказывать о тебе. – Виктор подошел так близко, что Алиса едва подавила желание отступить на шаг. – У моей маленькой Принцессы, оказалось, есть большой секрет.

Девочка обомлела, от лица отхлынули краски. Сын «серого кардинала» теневого города, знал о том, что она не страдала синдромом магического дефицита, а фактически являлась человеком и незаконно жила в теневом мире!

– Все еще не хочешь сесть в мою машину? – промурлыкал он, а когда Алиса замотала головой, отказываясь, то нехорошо улыбнулся: – Я подожду, Принцесса, когда ты решишься, но не заставляй меня ждать слишком долго...

Элис добралась до дома в середине ночи, но обнаружила, что Мила сидела на деревянном крыльце, завернувшись от холода в толстое одеяло, а коттедж сотрясался от громкого скандала родителей. Они поносили друг с друга с такой самозабвенностью, что не замечали, как их крики громыха-

ли даже во дворе.

– Я думала, что у тебя прошли приступы паники, – вздохнула сестрица, шмыгнув носом, когда Элис подошла поближе. – Ты в порядке?

– Замерзла, – призналась та, присаживаясь на ледяную ступеньку. – Что они сказали, когда ты приехала?

– Что я закрыта дома до окончания школы. – Дебютантка вздохнула. – Никогда не слышала, чтобы родители так орали. Они не скандалили, даже когда тебя арестовали.

– Думаю, в тот раз они перепугались настолько, что не знали, как правильно поступить, а сейчас просто разозлились, – предположила Элис. – Гнев всегда выпустить проще, чем страх.

Сестры примолкли, и в возникшей тишине разносились истеричные крики Лаймы:

– Все пошло кувырком после того, как она приехала! – Голос матери, одурманенной яростью, то и дело срывался на визг. – Почему ты позволил ей остаться в нашем доме? Почему не отправил к Алексею? Ты не видишь, что эта девица разрушает жизнь нашей дочери?!

Выходило, что в провальном дебюте родной дочери Лайма обвинила падчерицу и впала в ярость.

– Эта девица, как ты посмела выразиться, тоже моя любимая дочь! – рывкнул отец с таким гневом, что во всем доме действительно зазвенели стекла, и сидевшие на крыльце девушки с удивлением посмотрели на окна. – И ты хочешь,

чтобы я отказал ей в защите?! Если мы не сумели воспитать в Эмилиии чувство ответственности, то...

Отказываясь слушать родительский обмен взаимными претензиями, Элис сняла с пальца амулет с заклятьем переводчика и крики превратились в бессмысленную мешанину звуков. Запрокинув голову, она посмотрела на небо, щедро обсыпанное звездными светляками, и полной грудью вздохнула холодный пахнувший опавшей листвой воздух.

Элис с детства любила разглядывать звезды – далекие и неприступные, они казались счастливее маленькой полукровки, мечтавшей стать настоящей колдуньей. Ей нравилось находить созвездия в россыпи переливчатого гороха, но в Гонконге небо обычно затягивала влажная туманная пелена.

– Мне действительно очень жаль, – проговорила младшая сестра по-английски с чудовищным акцентом. Ей плохо давались мирские языки, и английский она выучила лишь благодаря понуканиям отца и использованию каких-то специальных заклинаний.

В жиденьком оконном свете ее лицо выглядело бледным и очень юным.

– Если тебе жаль, то держись подальше от Виктора Полоцкого, – после долгого молчания вымолвила Элис. – Поверь мне, дальше станет только хуже, потому что он портит все, к чему прикасается. Ты замараешься рядом с ним.

– Он сказал мне, что я красивая... – прошептала Мила. –

Никто и никогда не говорил мне таких вещей.

Страдалица жалобно всхлипнула, и вдруг стало очевидно, что она не услышала совета, а если услышала, то не приняла. Эмилия была ослеплена первой ранимой любовью, не признававшей доводов рассудка.

– В следующий раз, когда ты придешь к нему, то спроси свое имя, – посоветовала Элис.

– Зачем? – всхлипнула влюбленная девица.

– Может быть, тогда ты поймешь, что рушишь свою жизнь ради парня, который даже не узнал, как тебя зовут.

Поднявшись, она отряхнула пиджак и вошла в дом.

Глава 3

Старый дом у камышового озера

Окно оказалось закрытым, но в спальне, залитой серым утренним светом, царил тяжелый влажный холод. Стеклянный шар с заклинанием «доброе тепло», каким Лазаревы обогревали дом ради экономии газа, стоял на подоконнике совершенным прозрачным. Видимо, за ночь колдовство иссякло, и комната к утру остыла.

В сонной тишине дома громыхнула оконная рама, и зазвенели стекла. Резко проснувшись, Мила испуганно села на кровати и диковато оглядела комнату, еще сохранившую следы вчерашних сборов на провальный бал.

От перспективы выбраться из теплой постели, чтобы заново зарядить амулет, Мила жалобно натянула одеяло до самого подбородка, а потом, досчитав до трех, выскочила из уютного кокона и на цыпочках по ледяному полу прошмыгнула к шару. Она бросила быстрый взгляд в окно, откуда просматривалась обычно безлюдная улица, и остолбенела... На засыпанной щебенкой дороге рядом с воротами стоял ярко-оранжевый автомобиль, принадлежавший Виктору Полоцкому.

От неожиданного открытия сердце юной колдуньи загрохотало в груди, радость смешалась со страхом. Ни в одной, даже самой смелой, фантазии она не могла представить, что

однажды обнаружит под окнами собственного дома парня, который еще неделю назад, казалось, жил в другом измерении...

Из-под козырька крыльца появилась Алиса, одетая в спортивный костюм. На улице накрапывал дождь, и она накрыла волосы капюшоном. Сестра быстро пересекла двор, прошмыгнула за калитку, а потом уселась в машину Виктора. Несколькими секундами позже автомобиль тронулся с места.

Когда он исчез из поля зрения, Мила поняла, что вовсе не дышала, следя за побегом. В груди ядовитым цветком распускалось темное засасывающее чувство. Оно охватывало все тело, покалывало в кончиках пальцев...

Вдруг раздался звон разбитого стекла. В разные стороны брызнули осколки магического шара, острое крошево посыпалось на пол, а руки заломило от боли. Отпрянув от подоконника, Мила испуганно посмотрела на порезанные, окровавленные ладони.

Юная колдунья хотела, чтобы старшая сестра снова исчезла из ее жизни.

Автомобиль трясся на разбитой дороге, из-под колес летели грязные брызги. За окном куksилось промозглое утро, одно из тех, когда хотелось завернуться в плед и целый день напролет читать английскую классику, прихлебывая сладкий

чай. Но вместо того, чтобы прятаться от осенней непогоды в безопасном доме, Элис тряслась на ухабах в машине злейшего врага и следила за тем, как истерично мелькавшие дворники с лобового стекла капли дождя. Выключенное радио и накаленная тишина не подчеркивали – выпячивали невыносимое напряжение, царившее в тесном салоне.

Въехав в рощу, недалеко от дома Лазаревых, Виктор заглушил двигатель. Автомобиль замер в неловкой позе, накренившись набок. В лесу было влажно, крапчатый ковер из опавших листьев промок под мелким дождем, а проселочная одноколейка превратилась в глинистое месиво.

Виктор вышел, обогнул автомобиль и, впусив в салон поток промозглого холода, открыл дверь с пассажирской стороны.

– Выходи.

Он схватил Элис за локоть и вынудил выбраться наружу, на слякотный холод. Не успела она выйти, как Виктор попытался ее обнять, хватал за руки, чтобы привлечь к груди. После короткой и яростной борьбы, она вывернулась и со всего маха залепила ему пощечину. От удара голова Виктора мотнулась, на бледной гладкой щеке расцвел алый след. Синие глаза потемнели от злости.

– Что ж, заслужил, – процедил он, хотя по всему было видно, что так не считал. – Почему ты молчишь?

– Сдерживаюсь, чтобы не ударить второй раз, – тихо про-

изнесла она, и при звуке теплого взрослого голоса Виктор вдруг изменился в лице, словно ожидал, что Элис заговорит детским фальцетом.

– И за что ты хочешь ударить второй раз? – спросил он.

– За сестру. – Она смотрела противнику глаза в глаза. –

Мила – хорошая девушка. Не смей ее портить!

– Может, мне нравится твоя сестра?

У Элис вырвался издевательский смешок:

– Тогда повтори ее имя.

Виктор промолчал. Видимо, имя юной колдуньи ему с первого раза не запомнилось.

– Держись от моей сестры подальше, – закончила она.

– А если я не захочу держаться от нее подальше? Мне кажется, что твоя сестра влюблена в меня...

– Тогда я расскажу о том, что на самом деле случилось на той поляне, – резко перебила Элис. – Кому надо тот поверит и воспользуется этим.

На короткую секунду Виктор поменялся в лице, но быстро взял себя в руки.

– Ты же говорила, что ничего не помнишь.

– Да, как и остальные, – подтвердила Элис, – но, в отличие от них, я соврала.

Она разжала руки, круг распался. Магическое напряжение, заставлявшее трещать воздух, истаяло. Подростки одновременно отшатнулись назад, словно их всех оттолкну-

нули от центра кольца невидимыми руками. Оторопело все тарасились на потухшее кострище, где только что в расплавленном воздухе висел опасный потусторонний гость.

– Куда он делся? – прошептала светловолосая колдунья.

– Лазарева, зачем ты это сделала? – выкрикнул кто-то.

В следующее мгновение, оцепенев от ужаса, Алиса увидела, что все ее друзья, кроме Виктора, рухнули на землю, словно подкошенные. Он же стоял в отрешенной позе, безвольно опустив руки, и в его глазах мерцало огненное марево.

Демон, завладевший телом Виктора, сделал шаг к полукровке и, шагнув сквозь пространство, оказался пугающе близко. Она не шевелилась, в груди не хватало воздуха. Кожу на шее опалило горячим дыханием – потусторонняя тварь принохивалась к девочке, вероятно, пытаясь распознать, кто она такая, и почему биение магии в ней столь мало.

От страха тело перестало слушаться. Вместо того чтобы замереть, Алиса резко повернула голову к демону и уставилась в его страшные глаза. А потом она свалилась в обморок...

Ветер трепал редеющие кроны берез. Сверху сыпались желтые бабочки – опавшие листья, тяжелыми камушками на голову падали ледяные капли.

Элис поймала себя на отстраненной мысли, что Виктор выглядел гораздо старше своих двадцати пяти лет, точно он занимался черной магией, за игры с которой колдуны рас-

плачивались молодостью и здоровьем.

– И почему ты соврала? – в лесной тишине голос его прозвучал глухо.

– Я думала, что защищала родных, но позже поняла, что единственный человек, которого моя ложь защитила, был ты.

– Тогда почему ты молчала все эти годы?

– Потому что в один прекрасный момент мне стало наплевать на все, что происходит в теневом мире, – прямолинейно заявила Элис, – но сейчас ты меня очень сильно расстроил.

Некоторое время они пристально разглядывали друг друга.

– Ты спишь с Марком Вознесенским?

– Совершенно точно ты не имеешь права спрашивать об этом!

– Вчера, когда я увидел вас вместе после бала, то хотел убить обоих... – продолжил Виктор. – И сейчас, когда ты стоишь передо мной воплоти и так изящно грозишь, я схожу с ума.

– Ты разбудил меня спозаранку, чтобы спросить что-то важное, но решил обсудить то, как я тебя возбуждаю? – с неприятным отвращением вымолвила Элис. – Ты напоминаешь маньяков, только те не умеют читать заклинаний. Прими холодный душ – хорошо помогает успокоиться.

– А у тебя по-прежнему не язык, а скальпель, – с загадочным видом улыбнулся Виктор. – Не переживай, Принцесса,

я уже узнал все, что хотел.

– Тогда прощай? – Элис недвусмысленно кивнула в сторону выезда из роши. – Хорошего дня желать не стану.

– Передавай привет своей сестре. – Он очаровательно улыбнулся. – Она милый ребенок. Скажи, что как-нибудь при случае я угощу ее мороженым.

– Не провоцируй меня, Виктор!

Когда автомобиль Полоцкого, неловко переваливаясь по колее, скрылся из поля зрения, у Элис подогнулись колени. Она уселась на корточки и, тяжело дыша, стала считать до ста, чтобы отпугнуть нахлынувшую панику. Наедине с лесом ей не требовалась врать – она была напугана утренним визитом старого врага.

Первая крыса появилась в доме Лазаревых через неделю после провального бала Милы. Когда вся семья ужинала в угрюмом молчании, длиннохвостая тварь вылезла из-под кухонной стойки и, усевшись посреди идеально чистой кухни, с деловитым видом принялась умываться. Изумленные жильцы дома следили за нехитрым туалетом грызуна и недоумевали, каким образом юркий зверек изловчился проникнуть под защитные заклатья.

– Дорогой, сделай что-нибудь, – тихо попросила Лайма, обращаясь к мужу.

Не придумав ничего остроумнее, отец снял с ноги домаш-

нюю тапку и швырнул в сторону крысы. Тапочек пролетел высоко над поднятым носом твари и угодил аккурат в открытую кастрюлю с супом, подняв нешуточный фонтан брызг. Глядя на нелепо высывающийся из щей стоптанный задник, Элис не сдержала смешка, прозвучавшего буквально кощунственно в ошарашенной тишине.

– Дорогой, что тебе помешало использовать заклинание? – сделав крошечный глоток воды из стакана, очень сдержано уточнила мачеха.

– Милая, ты же против того, чтобы мы портили ауру дома своими неумелыми попытками колдовать, – напомнил супруг.

Судя по пресному выражению на лице Лаймы, он слово в слово процитировал ее давние высказывания. Но пока супруги Лазаревы вели вежливые беседы, крыса неторопливо пересекла кухню и спряталась в щели между шкафами.

– По-моему надо освежить защитные контуры, – предположила Лайма.

– Дорогая, я предлагал тебе это сделать еще в прошлом году, но ты сказала, что вызывать службу домашних заговоров каждый год слишком *начетисто*.

Ядреное словцо Матвей выделил с особой смакующей интонацией, тем самым наводя старшую дочь на мысль, что он вновь цитировал обожаемую супругу.

В кухне снова возникла драматичная тишина. Стараясь скрыть смех, Элис кашлянула в кулак, но когда заговорила,

изгнать иронию из голоса не сумела:

– Вы, может быть, не знаете, но существуют мирские службы дезинфекции. Они отлично справляются с грызунами.

Семья смотрела на девушку с вящим ужасом, словно услышала чудовищную ересь. Видимо, перспектива впустить в колдовской дом обычных людей никак не приживалась в головах домашних.

– Еще есть крысиный яд, – поторопилась придумать альтернативу Элис. – Говорят, что он очень хорошо спасает от грызунов и стоит в десятки раз дешевле, чем вызов заклинателя.

Чувствуя, что родственники достаточно шокированы революционными во всех отношениях предложениями, девушка поскорее встала из-за стола.

– Спасибо за ужин...

А через пару дней даже азиатская гостья перестала смеяться над нашествием крыс. Казалось, что они заполонили собой весь дом. Забирались в одежные шкафы, скреблись по ночам, и становилось страшно засыпать.

Была вызвана пресловутая служба заговоров, дравшая деньги за любое лишнее движение в защитном обряде. Косматый колдун, не пожелавший переобуть резиновые сапоги на тапочки с эмблемой дворцового гостевого дома, с растерянным видом ходил по дому, что-то изучал в сыром подвале, забирался на чердак, принохивался к углам, а потом ре-

зюмировал:

– Защитные заклятья побледнели, но не истаяли.

– А что ж тогда случилось? – всплеснула руками мачеха.

Колдун мрачно оглядел семью, стоявшую перед ним полукругом, и спросил:

– К вам кто-нибудь в гости приехал?

Невольно взгляды домашних обратились к Элис, и та, сама того не подозревая, попятилась.

– А чему вы это спрашиваете? – с умным видом уточнил отец.

– Кажись, место пытается вытолкнуть нежелательного колдуна, – пояснил заклинатель, почесывая затылок. – Так что не переживайте, когда гость уедет, то все закончится.

– Если нас раньше не съедят, – буркнула Лайма, ночью накануне приезда специалиста обнаружившая на подушке прямо перед собственным носом огромную крысу.

Когда заклинатель уехал, то в паршивом настроении Элис поднялась к себе. Вдруг вспомнилось, как в середине ночи, думая, что домашние крепко спят, младшая сестра украдкой прятала под половицу у порога дома колдовскую шка-тулку. Видимо, юная колдунья навела на дом какую-то порчу и привлекла грызунов, чтобы все подумали, будто источник выживает только-только вернувшуюся полукровку. Мысль, что Мила хотела выставить сестру из дома, вызывала горькое чувство.

Будь воля Элис, она бы с самого начала арендовала обыч-

ную квартиру в светской части города и не стесняла домашних, но магический дар не выносил современных жилищ. Бетон, пластиковые рамы, металлические остовы имели странное свойство высасывать из колдунов жизненные силы, а потому теневой мир был прикован к строениям из дерева и камня, возведенным на особых энергетических точках.

Элис вошла в крошечную спальню и замерла в дверях. На письменном столе сидела крыса и, уютно устроившись под монитором компьютера, самозабвенно грызла зеленые стикеры с рабочими пометками. Тяжело вздохнув, хозяйка спальни громко хлопнула в ладоши, стараясь спугнуть хвостатую тварь.

– Пошла отсюда!

Похоже, семейной изгнаннице было пора подыскивать новое жилье.

В мрачной столовой родового особняка Вознесенских горел камин, но тепла он не давал, а только помаленьку чадил да сжирал огромное, как его размер, количество вишневых поленьев. Для тривиального каприза Модесты Вознесенской выходило, прямо сказать, недешево, но бабка Марка считала, что благородные дома не пристало отапливать плебейской березой или, того хуже, углем, а с деньгами, в отличие от магии, у клана Вознесенских проблем не возникало.

За длинным столом, сервированным по всем правилам

этикета, вяло жевала блюда французской кухни хмурая родня. Кушанья были отменные – хозяйка пару лет назад выписала повара из Парижа, – но атмосфера всеобщей неприязни начисто отшибала у Вознесенских аппетит.

– Дорогой мой, жуйте тщательнее, иначе у вас случится несварение. – Модеста с неодобрением покосилась на нотариуса, запивавшего мясо выдержанным хересом.

– Не беспокойтесь, милая Модеста Эрнестоффна, – прохрюкал тот, – у меня луженый желудок.

Нервная обстановка столовой явно не способствовала здоровому аппетиту, отчего становилось очевидным, что пресловутое несварение грозило всем, кроме жизнерадостного поверенного, с наслаждением «лудившего» желудок первоклассным вином и мягчайшим стейком с кровью. Пристутствие Марка нешуточно переполошило склочное семейство, ведь родной внук старухи появлялся в особняке только исключительных случаях.

Чтобы заманить его в гости, Модеста или разыгрывала приступ сердечной недостаточности, одного из немногих телесных недугов, способных одолеть колдуна, или выставляла на продажу арендованный Марком загородный коттедж на камышовом озере, и тогда семейному изгнаннику приходилось приезжать на поклон, чтобы потешить старухино самолюбие. Судя по тому, что в этот раз бабка не стала актерствовать, она намеревалась объявить об очередной продаже.

– Что во Дворце? – спросила Модеста, искоса глянув на

внука. Прозвучало грубо, но любой из Вознесенских, до крови заклеванных старой орлицей, знал, что по отношению к редкому гостю она проявляла чудеса вежливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.